

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ ЧЕМУ НАУЧИЛАСЬ РОССИЯ В ГРУЗИИ

Двух одинаковых информационных операций не существует

■ ПОБЕДА В НЕВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Необходимо расширить теории сдерживания

■ КОГДА ГОСУДАРСТВА ПРЕВРАЩАЮТ ПРАВО В ОРУЖИЕ

Использование устоявшихся норм в «правовой войне»

■ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ СУБЪЕКТЫ ВСТУПАЮТ В БИТВУ

Новые противники представляют неконвенциональную угрозу

ПЛЮС

Можно ли считать некоторые кибератаки актом войны?

«Серая зона» между войной и миром

Болгарская стратегия противодействия Москве

Перспективы
ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

10

16

24

7 Давая определение гибридной войне

Джеймс Уитер

Размывание традиционных различий между вооруженными конфликтами.

10 От Грузии до Крыма

Эмилио Язиелло

Россия адаптирует информационные операции под конфликт.

16 Сдерживание в условиях гибридной войны

Полковник Джон Нил, Сухопутные силы США

Защита от нелинейных угроз.

24 Путинская Россия

Полковник Райан Уортман, Сухопутные силы США

Гибридное государство, не связанное ограничениями.

32 Развязывание войны на правовом поле

Марк Войгер, Старший преподаватель кафедры российских и восточно-европейских исследований Прибалтийского военного училища

Россия превращает международное и национальное законодательство в оружие.

40 Теневые войны

Лейтенант Дуглас Кантвелл, корпус военных юристов ВМФ США

Гибридная война в законной и стратегической «серой зоне».

46 Хакерство как инструмент влияния

Пирет Перник, научный сотрудник Эстонской Академии исследований проблем безопасности

Кибератаки являются ключевым элементом российской информационной войны.

52 Лучшая защита – нападение

Михаил Найденов, эксперт по вопросам обороны и национальной безопасности

Национальная стратегия Болгарии по противодействию гибридным угрозам.

56 Латвия – анализ ситуации

Рослав Ежевски, командор ВМФ Польши и национальный военный представитель в Верховном главнокомандовании Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе

Силовое давление России в различных сферах и усилия по ослаблению восточного фланга НАТО.

разделы

В каждом номере

- 4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5 АВТОРЫ
- 7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 66 КАЛЕНДАРЬ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

64 «Промежуточные территории: Россия против Запада и новая политика гибридной войны»

Рецензент: сотрудники журнала per Concordiam

Бывшие советские республики и страны-сателлиты в Центральной и Восточной Европе и Западной и Центральной Азии стоят перед лицом неослабевающего давления со стороны России, стремящейся восстановить имперский статус.

на обложке:

Превращение информационных технологий в оружие позволяет государственным и негосударственным субъектам влиять на общественное мнение.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

Представляем вашему вниманию 37-й выпуск журнала *per Concordiam*. В этом выпуске мы рассматриваем различные аспекты концепции гибридной войны и как противостоять её угрозам в разных сферах. Не существует единого устоявшегося определения гибридной войны; этот вид войны включает элементы кибернетической и информационной войны, экономические и политические манипуляции, а также кинетические военные действия. Гибридная война часто существует в «серой зоне» между войной и миром, и те, кто развязывает такую войну, совершенствуют свои тактические приемы, чтобы получить выгоды от её двусмысленного характера.

В разделе «Точка зрения» сотрудник Центра им. Маршалла Джеймс Уитер представляет нам концепцию гибридной войны, ее эволюцию и показывает, как Россия использовала тактические приемы гибридной войны во время вторжения в Крым в 2014 г. Он обсуждает, как нынешние продолжающиеся действия России привлекают внимание западных политических руководителей и военных стратегов. Он также анализирует использование гибридных приемов другими субъектами и отмечает, что, хотя гибридная война асимметрична по своей природе, она имеет те же цели, что и война в традиционном понимании – достижение преимущества над противником.

В числе авторов этого выпуска – полковник Сухопутных сил США Джон Нил, который рассматривает теории сдерживания и их использование в меняющейся стратегической обстановке, где государственные и негосударственные субъекты представляют угрозу. Он считает, что оперативные и новаторские контрмеры просто необходимы. Полковник Сухопутных сил США Райан Уортман основное внимание уделяет сдерживанию России и сотрудничающих с ней неправительственных субъектов. Командор Рослав Ежески, офицер ВМФ Польши, провел исследование, как Россия применяет инструменты информационной и кибернетической войны против прибалтийских государств с целью ослабить восточный фланг НАТО, используя русскоговорящие меньшинства в этих странах.

В этом выпуске, в числе других тем, также рассматривается новая стратегия Болгарии по противодействию гибридным угрозам и превращение Россией внутреннего и международного права в своего рода оружие.

Как всегда, мы в Центре им. Маршалла приветствуем ваши комментарии и рассуждения на эти темы и включим ваши ответы в следующие выпуски. Пожалуйста, связывайтесь с нами по электронной почте по адресу editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Кит В. Дейтон
Директор

Кит В. Дейтон

Директор

Европейского центра по изучению вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла

Кит Дейтон вышел в отставку с военной службы в Сухопутных войсках США в конце 2010 г. в звании генерал-лейтенанта, прослужив в вооруженных силах более 40 лет. Его последним назначением на действительной военной службе была должность Координатора США по вопросам безопасности между Израилем и Палестиной в Иерусалиме. В его послужном списке служба в качестве офицера-артиллериста, а также работа на посту офицера по военно-политическим вопросам при штабе Сухопутных войск США в Вашингтоне (округ Колумбия) и военного атташе США в Российской Федерации. В его послужном списке работа на посту директора аналитической группы по Ираку в ходе операция «Свобода Ирака». Генерал-лейтенант Дейтон проходил стажировку в Колледже для старшего руководящего состава при Гарвардском университете. Он также являлся старшим стипендиатом от Сухопутных сил США в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Генерал-лейтенант Дейтон имеет степень бакалавра истории от Колледжа Вильгельма и Марии, степень магистра истории от Кембриджского университета, а также степень магистра международных отношений от Южнокалифорнийского университета.

Лейтенант Дуглас Кантвелл – офицер и юрист корпуса военных юристов ВМФ США. Имеет докторскую степень в юриспруденции от Школы права Колумбийского университета, степень магистра от Института исследований международных отношений и развития и степень бакалавра от Стэнфордского университета. Он бывший сотрудник Американского общества международного права.

Эмилио Язиелло – эксперт по кибербезопасности более чем с 15-летним опытом работы в киберразведке, возглавлял группы экспертов в общественном и частном секторах. Он часто выступает с докладами о киберугрозах, а также имеет много публикаций в научных журналах и ведет блоги по кибербезопасности. Имеет степень бакалавра от Колледжа Святого Креста и степень магистра от Университета Джорджа Мэйсона и онлайнowego Американского военного университета.

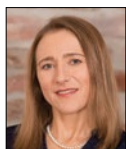
Рослав Ежески – командор ВМФ Польши и национальный военный представитель в Верховном главнокомандовании Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе в Бельгии. Он нес службу в ВМФ Польши в подразделениях текущих операций и планирования Оперативного командования. Служил в Эфиопии в качестве военного наблюдателя и советником афганской армии в Афганистане.

Михаил Найденов с 2001 г. работает в Управлении оборонной политики и планирования Министерства обороны Болгарии в качестве гражданского эксперта. Имеет степень магистра в международных отношениях от Софийского Университета, он также проходил обучение в Школе НАТО в г. Оберammerгау в Германии, в Колледже европейской безопасности и обороны, в Колледже национальной обороны в Швеции и в Национальной школе администрации во Франции. Член Атлантического совета Болгарии.

Полковник Джон Нил – представитель Военного училища Сухопутных сил США в Центре им. Маршалла. Он получил образование в Командном училище Генерального штаба, имеет степень магистра международных отношений от Вебстерского Университета. Прежде чем он был откомандирован в штаб Международных сил помощи по вопросам безопасности в Афганистане, полковник Нил также получил степень магистра военных искусств и науки от Школы передовых военных исследований.

Пирет Перник – научный сотрудник Академии наук Эстонии в сфере безопасности. У нее много публикаций по политике и стратегии в сфере кибербезопасности Эстонии, НАТО и Европейского Союза. Она также работала над вопросами планирования оборонной политики в Министерстве обороны Эстонии, а в парламенте Эстонии была консультантом по вопросам национальной обороны в Комитете по национальной обороне.

Марк Войгер – советник по культуре и старший эксперт по России в Союзном командовании Сухопутных сил НАТО. В 2009–2013 гг. он работал в Сухопутных силах США в Ираке и Афганистане, а также в неправительственных организациях и «мозговых трестах» в США и Восточной Европе. Имеет степень магистра права и дипломатии от Школы права и дипломатии им. Флетчера от Университета Тафта и степень магистра общественного администрирования от Школы управления им. Кеннеди Гарвардского университета.

Джеймс Уитер – профессор исследований национальной безопасности и директор программ старших научных сотрудников в Центре им. Маршалла. Он также преподает в Программе по вопросам терроризма и изучения безопасности центра. Имеет степень магистра стратегических исследований от Университета Уэльса; степень магистра управления бизнесом от Открытого Университета Великобритании; степень бакалавра по истории от Колледжа Кингса Лондонского университета; и диплом о послеузовском образовании по профессиональному и высшему образованию от Колледжа Гарнетт при Лондонском университете.

Полковник Райан Уортън – пехотный офицер Сухопутных сил США, занимающий должность командующего Группы региональной поддержки Кувейта. Имеет степень магистра в исследованиях по национальной безопасности от Военного училища ВМФ США и степень магистра в инженерном управлении от Университета Дюка. Его специализация – международная и национальная безопасность и системная инженерия с упором на НАТО, Центральную Европу и прибалтийские страны. Он также был профессором исследований по международной безопасности в Центре им. Маршалла от Военного училища Сухопутных сил США, и служил в Управлении начальника штаба Сухопутных сил США.

**Европейский центр
по изучению вопросов
безопасности им. Дж.
К. Маршалла:**

Руководство

Кит В. Дейтон
Директор

Дитер Э. Барейс
Заместитель директора (США)

Гельмут Доцлер
Заместитель директора (Германия)

Центр имени Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла – это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

per Concordiam editors
Marshall Center
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany
editor@perconcordiam.org

per Concordiam является профессиональным журналом, публикуемым ежеквартально Европейским командованием США и Европейским центром по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, посвященный вопросам обороны и безопасности в Европе и Евразии для учёных и экспертов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Высказанные в журнале взгляды не обязательно отражают политику или точку зрения этих организаций или других государственных ведомств Германии и США. Мнения, высказанные авторами статей, принадлежат исключительно этим авторам. Министр обороны принял решение о том, что публикация этого журнала необходима для поддержания связей с общественностью, как того требует от Министерства обороны США действующее законодательство.

ISSN 2166-4080 (печатные издания)
ISSN 2166-417X (интернет)

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

Читайте новые и старые выпуски *per Concordiam*

<http://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности

transnational
weekly
<http://www.marshallcenter.org>

Давая определение ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Джеймс Уитер

После вторжения Российской Федерации в Крым в марте 2014 г. гибридная война перестала быть предметом исследования только военных стратегов и вошла в более широкую политическую сферу в качестве серьезного вызова безопасности Запада. В термине «гибридная война» отражена попытка охватить сложный характер войны XXI века, в которую вовлечено множество субъектов, в которой размыты традиционные различия между видами вооруженных конфликтов и даже между понятиями войны и мира. И хотя термин «гибридная война» придуман на Западе, а не в России, все виды враждебной российской деятельности – от скрытого использования спецназа до манипулирования выборами и экономического давления – были названы гибридными и вызвали растущую тревогу в западных ведомствах, занимающихся вопросами безопасности. Существует множество определений гибридной войны, и эти определения продолжают эволюционировать. Определение гибридной войны – это не просто формальный академический диспут, потому что эти определения могут предопределить, как государства будут воспринимать гибридные угрозы и отвечать на них, и какие правительственные учреждения будут задействованы в противостоянии им.

Историки используют термин «гибридная война» просто для описания повторяющегося использования конвенциональных и неконвенциональных сил в одной и той же военной кампании. Питер Мансур, например, определил гибридную войну как «конфликт с использованием сочетания конвенциональных военных сил и нерегулярных сил (партизан, повстанцев и террористов), в число которых могут входить как государственные, так и негосударственные субъекты, нацеленные на достижение общей политической цели». Эти характеристики являются типичными для

Российский президент Владимир Путин произносит речь в ходе концерта в столице Крыма Симферополе. Март 2019 г. Путин использует полный набор инструментов гибридной войны для продвижения российских интересов в регионе. GETTY IMAGES

всех войн, начиная с древних времен. С исторической точки зрения, гибридная война, конечно же, не является новым феноменом. В 2000-е гг. использование термина «гибридный» стало распространенным способом описания современной войны, не в последнюю очередь из-за возросшей изощренности и летальности насильственных негосударственных субъектов и возросшего потенциала кибервойны. Определения гибридной войны подчеркивали сочетание конвенциональных и нерегулярных подходов по всему спектру конфликта. Еще в 2007 г. Фрэнк Хоффман определил гибридную войну как «различные инструменты ведения войны, включая конвенциональные возможности, нерегулярные тактические приемы и формирования, террористические акты, в том числе беспорядочное насилие и принуждение, а также уголовный беспредел, применяемые обеими сторонами и различными

негосударственными субъектами». Считается, что объединение конвенциональных и нерегулярных методов ведения войны отличают гибридную войну от ее исторических предшественников. В традиционной войне конвенциональные и нерегулярные операции имели тенденцию проводиться одна за другой, но индивидуально, и операции бойцов нерегулярных сил, как правило, были вторичными по отношению к военным кампаниям с использованием конвенциональных военных сил. До 2014 г. военные аналитики рассматривали недолгую войну между Израилем и «Хезболлой» как конфликт, который больше всего подходил под современное определение гибридной войны. Силы обороны Израиля не ожидали от «Хезболлы» изощренного сочетания партизанской тактики и применения регулярных войск, а также эффективной кампании стратегических коммуникаций.

Гибридная война уже по своей природе асимметрична. Американские военные аналитики используют термин «асимметричная война» при описании стратегий и тактических приемов государственных и негосударственных соперников США, стремящихся добиться своих стратегических целей, несмотря на превосходство США в обычной военной мощи. Асимметричные методы ведения войны, которые, в конечном итоге, сводятся к тому, что сильная сторона одного из соперников используется против слабой стороны другого, всегда были составной частью успешной стратегии. Асимметрия естественным образом включает некинетические подходы в «серой зоне» между войной и миром. Однако, развитие информационных технологий позволяет государственным и негосударственным субъектам направлять свои действия против политических руководителей и общественности через глобализованные сетевые СМИ и интернет. Это в перспективе расширяет концепцию войны и включает в нее культурные, социальные, правовые, психологические и моральные аспекты, где военная сила меньше подходит для решения поставленных задач.

Именно после российских действий в Крыму в 2014 г. о гибридной войне заговорили все. Западные комментаторы использовали термин «гибридная» как наиболее подходящий для описания всего разнообразия методов, задействованных Россией при аннексии Крыма и поддержке вооруженных сепаратистов в Восточной Украине. Российские приемы включали традиционное сочетание конвенциональных и нерегулярных боевых операций, но также имели место организация политических протестов, экономическое давление, кибероперации и особенно интенсивная кампания дезинформации. В выпуске справочника «The Military Balance» за 2015 г. дано, как считается, наиболее всеохватывающее определение проявления гибридной войны: «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании

с целью достижения эффекта внезапности, захвата инициативы и достижения психологических и физических преимуществ, используя дипломатические средства; изощренные и быстрые информационные, электронные и кибернетические операции; скрытые, а иногда и открытые, военные и разведывательные действия; и экономическое давление». Это определение гибридной войны отличается от тех, которые обсуждались ранее, поскольку в нем делается упор на невоенные методы в конфликте, в частности, на информационную войну, нацеленную на общественное восприятие, являющаяся ключевым фактором в современном конфликте.

Превращение информации в оружие представляет собой наиболее отличительную черту российской кампании 2014 г. и ее более недавних усилий по разделению и дестабилизации западных стран. Российский подход к информационной войне сочетает психологические и кибернетические операции, являющиеся ключевыми компонентами того, что российские аналитики, и прежде всего начальник Генерального штаба генерал Валерий Герасимов, называют «войной нового поколения» или «нелинейной войной». Российская информационная война стремится размыть границы между правдой и ложью и создать альтернативную реальность. Она использует уязвимые места в общественной жизни стран, выбранных в качестве объекта информационного нападения, пытается ослабить государственные институты и подорвать признанную легитимность правительств. Война нового поколения делает ставку на использование некинетических методов, которые провоцируют общественное недовольство и создают атмосферу коллапса, так что требуется совсем немного военной силы или не требуется вообще. В этой стратегии вооруженные силы играют вспомогательную роль. Спецназ может проводить разведывательные, подрывные и шпионские операции в то время как, если необходимо, вблизи границ государства, против которого нацелены действия, будут проводиться крупномасштабные военные учения с целью устрашения и оказания давления. В идеале, использование вооруженных сил должно оставаться ниже того порога, который может вызвать вооруженный ответ с использованием конвенциональных сил. Латвийский аналитик Янис Берзинц так обобщает российский подход к современной войне: «Разум является основным полем битвы, и в результате этого в войнах нового поколения будут доминировать информационные и психологические войны... Главная цель в том, чтобы снизить до минимума необходимость использования военной силы».

Во многих отношениях российские методы относятся к советскому периоду и к применению маскировки – военному обману. Развитие технологий передачи и обработки информации в значительной

степени увеличили масштабы маскировки, позволяя российскому правительству в полную силу использовать мультимедийную пропаганду и дезинформацию. Концепция «рефлексивного управления» (управления восприятием) представляет собой ключевой момент маскировки. В этой концепции, берущей начало с работ советского психолога Владимира Лефевре, с использованием специально подготовленной информации противник склоняется к принятию решений, которые были заранее предопределены тем, кто инициировал информацию и которые ему выгодны. Методы рефлексивного управления включают шантаж, маскировку, обман и дезинформацию и нацелены на то, чтобы повлиять на цикл принятия решений противника в нужном для России направлении.

Россия не является единственной страной, которая применяет гибридные формы войны. Начиная с конца 1990-х гг., Китай изучает методы т.н. «неограниченной войны». Приемы неограниченной войны включают компьютерное хакерство и заражение вирусами, срыв работы банковской системы, манипуляции на валютных биржах, терроризм в городских условиях и дезинформация в СМИ. Пока неясно, до какой степени неограниченная война стала официальной китайской доктриной, хотя некоторые элементы этой концепции просматриваются в китайской политике «трех войн» в отношении территориальных претензий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Китай избегает открытого применения военной силы, но для достижения своих целей использует психологические операции, медийные манипуляции и правовые претензии (правовую войну).

Как и те, кто планирует неограниченную войну, российские аналитики не скрывают того, что их целью является противостояние самоуверенным Соединенным Штатам. Российские комментаторы и аналитики утверждают, что с момента окончания «холодной войны» Россия является объектом непрерывного информационного нападения со стороны США. С точки зрения России, такие события как перестройка и «цветные революции», а также многонациональные организации, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, являются инструментами гибридной войны, нацеленной на дестабилизацию России. Российский президент Владимир Путин даже обвинил США в стремлении подорвать российские государственные устои и ценности. Конечно же, США и их ближайшие союзники вели политическую войну против Советского Союза во времена «холодной войны», используя пропагандистские и психологические операции, похожие на операции современной гибридной войны, но эти операции прекратились после развала Советского Союза.

Россия уже давно проводит политику, нацеленную на ослабление, разделение, и, в конечном счете, нейтрализацию НАТО. Безопасность прибалтийских

государств с их значительным русскоязычным меньшинством вызывает особую озабоченность, поскольку эти страны граничат с Россией, и их русскоговорящая диаспора может дать Путину определенные рычаги, чтобы создать проблемы для альянса. Другие страны на периферии НАТО также уязвимы перед лицом российского влияния. Например, есть опасения, что в Болгарии существует угроза того, что к власти в стране придут криминальные организации, связанные с российскими разведслужбами. НАТО признает свою уязвимость перед российскими приемами гибридной войны и разместила силы в наиболее уязвимых странах, чтобы еще раз продемонстрировать странам-членам альянса приверженность своим обязательствам и повысить степень военного сдерживания. В масштабах всего альянса предпринимаются усилия по обнаружению и противодействию российским кибератакам и информационным операциям путем новых инициатив, таких как создание в 2018 г. Группы поддержки в противодействии гибридным нападениям. Страны в северной части альянса приняли или возродили концепции «борьбы всем обществом» или «тотальной обороны». Например, Концепция национальной обороны Эстонии, принятая в 2017 г., наряду с военной готовностью, охватывает также меры психологической, гражданской и экономической обороны. В период после варшавского саммита в 2016 г. НАТО вновь делает упор на гражданскую готовность, чтобы повысить уровень жизнестойкости населения и госинституты в странах-членах альянса путем сотрудничества между правительственными министерствами и гражданскими организациями, частным сектором и общественностью. Понимание российской информационной войны сделало правительства, общества и, что самое главное, социальные медийные компании менее подверженными дезинформации и обману. Такая осторожность должна предотвратить успешные операции российских разведслужб по оказанию влияния, таких как вмешательство в американские выборы в 2016 г.

Гибридная война не меняет саму природу войны. Давление остается в центре гибридной войны, как в любой другой форме войны. Цель остается прежней, а именно получение психологических или физических преимуществ перед соперником. Несомненно, для служб, отвечающих за национальную безопасность, борьба с широким кругом угроз, которые носят название «гибридная война», представляет большую проблему. Если мы раскинем сети слишком широко, то термин «гибридная война» станет настолько обширным, что он потеряет всякое практическое значение для политических руководителей. Если мы дадим слишком узкое определение, то госчиновники могут не осознать всю важность нетрадиционных методов войны, применяемых противником в качестве прелюдии к прямому использованию военной силы. □

ОТ ГРУЗИИ — ДО — КРЫМА

Россия адаптирует информационные операции под конфликт

— Эмилио Язиелло —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

У России долгая история операций пропаганды и дезинформации – приемов, которые она сейчас подстраивает к эпохе онлайн-коммуникаций. По мере того, как информационное пространство расширяется за пределы технологий, способствующих его использованию, Россия предпринимает основанные на информации широкомасштабные усилия, которые можно классифицировать в соответствии с производимым ими эффектом: информационно-технические и информационно-психологические. Главной вехой в этих усилиях стало проведение пророссийской кибератаки в 2008 г. одновременно с российской военной операцией в Грузии. В ходе того скоротечного конфликта непокорная Грузия победила Россию в масштабной информационной войне, заставив Россию переосмыслить то, как она проводит свои информационные операции. Шесть лет спустя Россия откорректировала свою стратегию информационного противоборства против Украины, быстро и бескровно захватив Крым и не дав вмешаться странам, которые потенциально могли это сделать. Совершенно очевидно, что Россия осознает ценность манипулирования информационным

пространством, особенно в эпоху, когда любые новости легко доступны через официальные и неофициальные каналы. Взяв свой успех в Крыму за основу, Россия более активно, чем ее противники, использует информационное пространство для расширения возможностей распространения пропаганды, посланий и дезинформации в поддержку своих геополитических целей.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

Россия рассматривает наступательные информационные кампании скорее как способ оказания влияния, чем разрушительные действия, хотя эти оба понятия не являются взаимоисключающими. Говоря простым языком, информационное пространство позволяет информационным ресурсам, включая «оружие» или другие информационные средства, оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю аудиторию посредством тщательно составленных посланий, дезинформации и пропаганды. Игорь Панарин, влиятельный ученый и уважаемый российский эксперт по вопросам информационной войны, выделил основные инструменты, используемые в масштабном информационном противостоянии: пропаганда (черная, серая или

белая); разведка (в частности, сбор информации); анализ (отслеживание СМИ и анализ ситуации); и организация (формирование мнения политиков и средств массовой информации). В том, что касается операций оказания влияния, Панарин обозначил проводники информационной войны, такие как социальный контроль, социальные маневры, манипуляция информацией, дезинформация, специально сфабрикованная информация, лоббирование, шантаж и вымогательство.

Таким образом, суть информационного противоборства сводится к этой постоянной информационной борьбе между противниками. Рассмотрение применения этих принципов в Грузии и в Крыму, этих двух хорошо известных случаев геополитических шагов России, помогает показать, как эволюционировало российское понимание информационного противоборства. Оно также показывает результаты такой практики в контексте заказного медийного вещания.

ГРУЗИЯ, 2008 г.

Во время этого краткосрочного конфликта в 2008 г. между Россией и Грузией шло соперничество за контроль над потоком информации для мирового сообщества. Обе стороны задействовали кинетические (удары с использованием обычного оружия и передвижения войск) и некинетические (кибератаки, пропаганда, непризнание совершенных действий и обман) наступательные средства. Анализ и критические замечания по поводу действий России в ходе конфликта привели к серьезным военным реформам в ее обширном военном аппарате, пишет Атина Брайс-Роджерс в статье в журнале «Демократизация: The Journal of Post-Soviet Democratization». Хотя эксперты отмечали переменный успех, общее мнение сводилось к тому, что грузинское правительство использовало информационное и медийное пространство для своей выгоды и оказания влияния на общественное мнение более успешно, чем Россия.

Информационно-техническая война

Российское восприятие технических и психологических аспектов информационного противоборства в сочетании с военными наступлениями стало очевидным в ходе конфликта в Грузии. Несмотря на отсутствие существенных связей между организаторами кибератак и российским правительством, политолог Дэвид Холлис в своей статье в интернет-журнале «Small Wars Journal» утверждает, что эта операция, исполнителя которой так и не установили, была первой кибератакой, проведенной одновременно с обычными военными операциями. В ходе этой атаки были проведены следующие операции: искажение веб-страниц, отказ в компьютерных сетях правительственных учреждений Грузии, средств массовой информации и финансовых институтов, а также других общественных и частных объектов в обслуживании всех запросов пользователей или части из них. В результате этих нападений граждане на время теряли доступ к веб-сайтам, имеющим отношение к коммуникациям, финансам и правительству. Многие

подозревали, что за этими нападениями стоит Россия, хотя неоспоримых доказательств тому найти не удалось.

Информационно-психологическая война

Параллельно с этим Россия проводила также и информационно-психологические операции, включая пропаганду, кампании по информационному контролю и дезинформации, с различной степенью успеха, особенно на фоне усилий Грузии в этих же самых областях. Как пишут Ариэль Коэн и Роберт Гамильтон в своей книге «Российская армия и война в Грузии: уроки и последствия», изданной в 2011 г., Россия сосредоточила внимание на том, чтобы донести мировому сообществу следующие ключевые послы: Грузия и ее президент Михаил Саакашвили были агрессорами; Россия была вынуждена защищать своих граждан; ни США, ни их западные союзники не имеют никакого права критиковать Россию, поскольку сами предпринимали такие же действия в других регионах мира. Используя телевизионные репортажи и ежедневные интервью с военными представителями, Россия попыталась контролировать поток международной информации и оказать влияние на местных жителей, навязывая им новости, рассказывая об успехах российских военных в защите российских граждан и «зверствах» грузин. Просмотр грузинских, российских и западных новостей того периода обнаружил, что бывший в то время президентом России Дмитрий Медведев представлялся менее агрессивным, чем грузинский президент. Действительно, опрос, проведенный Си-Эн-Эн в то время, показал, что 92% респондентов считали, что российская интервенция была оправданной.

Грузия выиграла информационную войну

Однако, вместо того чтобы молча согласиться с российским информационным противоборством в ходе кризиса, Грузия начала свою собственную мощную информационную кампанию, задействовав собственную дезинформацию и манипуляцию СМИ. Грузия запросила помощь у компаний, специализирующихся на общественных отношениях, и у частных консультантов в продвижении собственных сообщений, ограничила доступ к российским новостным репортажам и показывала воздушные налеты российской авиации на гражданские цели, тем самым позиционируя себя как жертву российского вторжения. В конечном итоге Грузия победила в информационном конфликте, и этот факт подтвердился тем, что Россия провела анализ своих военных действий, в результате которого были выявлены недостатки как в информационно-технической, так и в информационно-психологической сферах. И хотя Россия одержала военную победу на поле боя, Грузия завоевала сердца и умы мирового сообщества.

УКРАИНА, 2014 г.

Шесть лет спустя после конфликта в Грузии Россия учла уроки информационной войны в том конфликте, когда начала реализовывать свои планы в Украине. Она научилась применять

специальные «информационные войска» и рассчитывать стратегически целесообразное время для кибернападений, которые долгое время считались вариантом первого удара для достижения максимальной эффективности, особенно против важных целей, таких как критически важная инфраструктура. В отличие от компьютерных атак и военного вторжения, которые в Грузии произошли одновременно, кибернападение на Крым вывело из строя телекоммуникационную инфраструктуру, основные украинские веб-сайты и мобильные телефоны ключевых украинских госчиновников до того как российские войска вошли на полуостров 2 марта 2014 г. Кибершпионаж до, во время и после присоединения Крыма также поставлял информацию, которая способствовала достижению краткосрочных и долгосрочных целей.

Информационно-технические средства

Операции кибершпионажа, проведенные одновременно с другими методами сбора информации, похоже, ускорили тактические маневры на поле боя. В отличие от Грузии, объектами кибершпионажа, помимо украинских госчиновников, а также официальных лиц, поддерживавших связи с НАТО и Европейским Союзом, стали компьютеры и сети украинских журналистов. Шпионаж за такими объектами может дать представление о работе оппозиционных журналистов, а также дать возможность заранее узнать о важных дипломатических инициативах. Например, в операции «Армагеддон», проведенной в середине 2013 г. – как раз когда начались активные переговоры между Украиной и ЕС об ассоциативном договоре, который Россия открыто называла угрозой своей национальной безопасности, объектами были выбраны члены украинского правительства и чиновники из правоохранительной и военной сфер.

Как и в Грузии, националистически настроенные хакеры, такие как находящаяся в Украине группа «КиберБеркут», также предприняли ряд кибернападений на украинские объекты. Эта группа осуществила такие операции как отказ в обслуживании запросов пользователей, искажение украинских и натовских веб-страниц, перехват документов по американо-украинскому военному сотрудничеству, они также пытались повлиять на парламентские выборы в Украине, сорвав работу компьютерной сети Центральной избирательной комиссии. Доказательств сговора с российским правительством обнаружено не было, но эти атаки привели к дополнительному замешательству во время кризиса, особенно с украинской стороны. Эти атаки были свидетельством того, что российские военные приняли стратегию будущей войны российского генерала Валерия Герасимова, гласящей, что конфликты будут сохранять информационный аспект как часть более масштабных «асимметричных возможностей снижения боевого потенциала противника».

Информационно-психологические средства

В отличие от российского силового вторжения в Грузию, спор за территорию Крыма, скорее, принял

форму просачивания. При отсутствии непосредственной угрозы Россия сделала ставку на некинетические средства, такие как пропаганда, дезинформация, непризнание совершенных действий и обман для влияния на внутреннюю, региональную и глобальную аудиторию. Эта стратегия рефлексивного управления – реализация инициатив для передачи специально подготовленной информации союзнику или сопернику с целью заставить их принять добровольное решение, предопределенное автором инициативы – объясняет уверенность России в этом подходе как продолжении информационно-психологической деятельности в Украине во время и после крымского кризиса, а также то значительное место, которое этот метод занимает в российской философии информационного противоборства. Как отмечает британский академик Кейр Джилз в статье, написанной для натовского Центра мастерства стратегических коммуникаций, российский подход к информационному противоборству эволюционировал, развивался и приспособлялся и, как все другие российские оперативные подходы, определял и закреплял успех, отказывался от неэффективных методов и двигался вперед.

Россия использовала телевидение для организации поддержки своих действий в Крыму и усиления тезиса Москвы о том, что вторжение было необходимо для защиты русскоговорящего населения. Это было заметным усовершенствованием в информационной кампании по сравнению с информационными усилиями России во время грузинского конфликта. Кроме того, пророссийские онлайн-СМИ подражали стилю антироссийских новостных агентств с целью оказать влияние на общественное мнение. Например, веб-сайт «Украинская правда» был пророссийской версией популярного проукраинского новостного сайта «Українська правда». Пророссийские источники передавали фальшивые нарративы о действительных событиях, например, отрицали российское военное присутствие на Украине или обвиняли Запад в ведении масштабной информационной войны против России.

Один из важных уроков, которые извлекла Россия из конфликта в Грузии, это то, на какие огромные пространства интернет может распространять новости из легитимных источников, полуофициальных организаций и персональных блогов. Российский президент Владимир Путин признал ту роль, которую интернет играл в оказании влияния на исход региональных конфликтов. Он также признал, что Россия отставала от других стран в плане использования информационного пространства, сказав: «Какое-то время назад мы ушли с этой территории, но теперь мы опять вступаем в игру». Россия начала поддерживать журналистов, блоггеров и физических лиц в социальных сетях, которые размещали пророссийские нарративы. В одном случае российские власти платили одному человеку за появление в сети под разными именами, другому человеку за то, что он выдавал себя за трех разных блоггеров, поддерживающих 10 блогов, а третьему за постоянное размещение

комментариев в новостных и социальных сетях. Такие российские тролли могут быть примитивными и необидительными, но они становятся заметными благодаря тому, что занимают много места в сетях. Как считает Алексей Левинсон, «Новая российская пропаганда ... не стремится распространить какое-то новое мировоззрение, она пытается нарушить потоки информации и поддерживать нервозность у европейской аудитории». Он изложил это мнение на веб-сайте Stopfake.org, специализирующемся на проверке фактов. Адаптацией стратегий обмана и отказа от совершенных действий, применявшихся в ходе грузинского конфликта, во время крымского кризиса внешние элементы были приведены в замешательство. Оттягивание признания в своем участии в нападении до более позднего этапа конфликта, Россия имела возможность продолжать слать сообщения о своем желании ослабить напряженность, при этом усиливая хаос. Поскольку США, НАТО и ЕС не смогли предугадать цели России, Россия смогла использовать метод рефлексивного управления для оказания влияния на процесс принятия решений в западных странах, снижая цену своих действий против Украины и не давая США и их союзникам вмешаться в конфликт. К тому моменту, когда Путин признал факт присутствия российских войск в Украине, Крым уже был присоединен к России. В конце концов США смирились с российским контролем над Крымом и отправили тогдашнего госсекретаря Джона Керри на переговоры с целью снизить угрозу дальнейшей российской экспансии в Украину.

Победа России

Заметно усовершенствованные российские стратегические коммуникации в инициативном порядке направляли потоки информации на пророссийских повстанцев, местное население и международное сообщество с целью лишить Украину союзников и сторонников. Два ключевых тезиса сводились к тому, что украинское правительство является антироссийским и фашистским и что при российской администрации качество жизни украинского населения повысится. Послания пророссийским повстанцам заставляли их продолжать воевать, в то время как послания российскому населению создавали моральное оправдание поддержки повстанцев в Восточной Украине и готовили к возможности широкомасштабных боевых операций в этом регионе. Шесть лет спустя после того, как США, НАТО и несколько европейских стран стали на сторону Грузии, Москва пыталась снизить внешнюю поддержку украинскому Крыму посредством информационной деятельности, направленной на оказание влияния на процесс принятия решений зарубежными правительствами.

Россия использовала пророссийские медийные источники для распространения фотографий украинских танков, флагов и солдат, на которые искусственно были нанесены нацистские символы, стараясь изобразить связь украинского правительства с возрождающимся нацизмом и таким образом убедить некоторые европейские страны,

такие как Германия, дистанцироваться от Киева. Еще один пример – распространение снимков с изображением колонн «беженцев», направляющихся из Украины в Россию, в то время как на самом деле это были люди, ежедневно курсирующие между Украиной и Польшей.

Хотя в более широком масштабе борьба России с Украиной продолжается, успешный бескровный захват Крыма Россией свидетельствует об усвоенных уроках кампании в грузинском регионе Южная Осетия. В Крыму российская стратегия информационного противоборства была более централизованной и контролируемой. Возможно, наиболее красноречивым свидетельством успеха является то, что России удалось удержать своих наиболее крупных противников, США и НАТО, от вмешательства, тем самым дав возможность провести референдум, в ходе которого крымский парламент проголосовал за присоединение к России. В то время как Запад отказывается признать отделение Крыма от Украины, Россия заявляет о полном соблюдении демократических процедур, что трудно оспаривать на международной арене.

УКРАИНА СЕГОДНЯ

Несмотря на то, что некоторые считают, что Украина выигрывает информационную войну, поскольку ЕС ввел санкции против России, среди граждан ЕС, особенно в Греции, Венгрии, Италии и, что возможно, важнее всего, в Германии, растет несогласие с этими санкциями. Более того, санкции не являются результатом усилий Украины в информационной войне. После того как Россия присоединила целый регион и, скорее всего, имела отношение к гибели самолета Малайзийских Авиалиний в 2014 г., Россия стала рассматриваться как государство-агрессор, за чем и последовали санкции.

Более того, чем дольше Россия остается вовлеченной в события в Восточной Украине, тем больше эволюционируют ее цели. Россия больше не сосредоточена полностью на том, чтобы подстрекать пророссийских боевиков в регионе к присоединению в России. Похоже, что она продолжает бороться с американским влиянием, одновременно пытаясь не допустить вступления Украины в НАТО. В соответствии с опубликованным в 2015 г. докладом Института изучения войны, Россия продемонстрировала, что, скрывая свои истинные намерения, она сохраняет все свои варианты поведения и приводит в замешательство своих противников. Когда противники строят гипотезы относительно истинных намерений России, Россия оказывается в выгодном положении и может использовать свою гибкость для достижения решений, которые соответствуют ее интересам. Например, в то время как США и Россия имели разные подходы к ситуации в Сирии, российская помощь ослабевающим силам сирийского президента Башара Асада успешно остановила наступление сил сирийской оппозиции, поддерживаемых США. Более того, действия России заставили США согласиться на схему «услуга за услугу», при которой американцы согласились координировать свои оперативные действия против террористических

группировок в обмен на российское обязательство удерживать силы Асада от нападений на гражданское население и на поддерживаемые США силы умеренной оппозиции.

Такая вовлеченность в ситуацию сделала Россию равным партнером в регионе, независимо от того, останется Асад у власти или нет. Аналогичным образом, Россия может отказаться от своих краткосрочных целей в Восточной Украине, чтобы иметь автономное право добиваться своей стратегической цели, а именно, не допустить вступления Украины в НАТО. Некоторые полагают, что экономическое бремя участия в событиях в Восточной Украине слишком тяжелое для России. Если это так, то украинский регион она может использовать как козырь в торгах за более высокую награду, отвечающую ее долгосрочным целям.

ЭВОЛЮЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ

Информационную войну называют асимметричным оружием, и случаи с Грузией и Крымом, несомненно, поддерживают такое определение. «Цветные революции», которые привели к успешной смене режимов, укрепили мнение о том, что создание, контролирование и распространение информации эффективно и существенно влияет на результаты геополитических событий. Россия, которая, по распространенному мнению, считается одним из лидеров в сфере информационной войны, проиграла информационную борьбу Грузии на ранних стадиях конфликта. В ситуации с Украиной, напротив, применив адаптивный подход, российская измененная стратегия информационного противоборства помогла ей захватить Крым. Проще говоря, Россия осознала свои ошибки, сделанные в Грузии, и извлеченные уроки повлияли на результаты событий в Крыму. Как отметил один эксперт по России в докладе для Радио Свободная Европа/Радио Свобода, «Когда вы смотрите, как Россия пытается копировать западный стиль брифингов для прессы, организованных военными, ... то вы отчетливо видите их понимание того, как наилучшим образом структурировать общественное мнение вокруг сообщения о военной операции».

После кибератак на Эстонию в 2007 г. с применением операций отказа от обслуживания запросов пользователей, российская деятельность в сфере информационного противоборства сместилась с инструментов для нарушения работы сетей в сторону инструментов влияния. Управляющий директор Центра безопасности и стратегических исследований в Национальной военной академии Латвии согласен с такой точкой зрения и утверждает, что операции влияния «находятся в самом центре российского оперативного планирования». Действительно, чем больше невоенных средств задействовано в районах геополитического напряжения, тем более актуальными становятся инструменты информационного противоборства. Поскольку информация обычно считается «мягкой силой», она наиболее эффективно может быть применена в конфликте, в котором отсутствует военное противостояние. В таком случае

информация может использоваться для того, чтобы информировать, убеждать, запугивать аудиторию и вводить её в заблуждение, как, например, было с российскими попытками повлиять на выборы в США в 2016 г.

Не удивительно, что российская стратегия информационного противоборства продолжает эволюционировать, что свидетельствует о ее динамичном характере, во многом подобном той среде, в которой она применяется. И хотя Герасимов, возможно, помог откорректировать российское военное мышление относительно роли невоенных методов в решении конфликтов, другие военные эксперты взяли это за основу и пошли дальше. В 2013 г. отставной российский полковник С.Г. Чекинов и отставной российский генерал-лейтенант С.А. Богданов написали, что «в войне нового поколения будет доминировать информационная и психологическая война, которая будет стремиться получить доминирующий контроль над войсками и вооружением и подавить личный состав и население противника морально и психологически. При непрерывной революции в информационных технологиях в большой степени победу будет предопределять информационная и психологическая война».

Использование термина «война нового поколения» является признанием критичности доминирования в сфере информации в то время, когда военная и гражданская сферы во многом зависят как от контента информации, так и от технологий, используемых при ее передаче. Несмотря на то, что термин «война нового поколения», похоже, не появлялся в военных документах с 2013 г., тот факт, что военные его не опровергают, свидетельствует о том, что, возможно, он является уместным профессиональным подходом к вопросу войны.

Многие западные ученые характеризуют российскую тактику в Украине как гибридную войну, т.е. использование тактик жесткой и мягкой силы, которую российские доверенные лица и посредники применяют с тем, чтобы никто не мог обвинить Россию в агрессивных действиях, чтобы скрыть истинные намерения и увеличить замешательство и неуверенность противника. Статья, опубликованная в 2015 г. в журнале «Военная мысль», предполагает, что такая интерпретация событий в Украине может быть неверной и более подходит к описанию действий западных стран. Действительно, к концу 2015 г. российские военные решительно отвергали использование термина «гибридная» для описания их деятельности. Тем не менее, вспомогательная и поддерживающая роль информационного противоборства в Украине предполагает, что ее лучше использовать не как отдельную самостоятельную тактику, а в сочетании с другими конвенциональными и неконвенциональными действиями для достижения максимальной эффективности в масштабных кампаниях.

В 2015 г. директор Главного оперативного управления российского Генерального штаба дал пояснение по термину «война нового типа», которое было похоже, но все же отличалось от определений «гибридной войны» и «войны нового поколения». В этом определении «неприятель» действия ассоциируются с «гибридными». Другие

авторы «войны нового поколения» приняли новую терминологию, особенно применительно к действиям, сосредоточенным на военных, невоенных и специальных ненасильственных мерах для достижения информационного доминирования, которые, по логике вещей, включают действия в Украине. Как указывает аналитик Тимоти Томас, один автор подчеркнул, что «информационная война в новых условиях будет точкой отсчета каждого из действий, которые сейчас называют войной нового типа или гибридной войной, в которой широко будут использоваться СМИ и, там, где целесообразно, глобальные компьютерные сети (блоги, различные социальные сети и другие ресурсы)».

Неудачные попытки поставить информационное противоборство в какую-то из рубрик стратегии специфической современной войны, такую как «война нового поколения», «гибридная война» или «война нового типа», могут служить еще одним свидетельством в равной степени динамичной и гибкой природы стратегии и развития конфликта. Один аспект, постоянно встречающийся в официальных российских документах на тему доктрины информационной безопасности и военной стратегии и реализуемый в этих региональных конфликтах – это уверенность в том, что информационное превосходство окажет большую помощь в достижении побед в будущем.

По мере того, как мир движется в сторону конфликтов, в которых, по словам Герасимова, «войны еще не объявлены, а уже начались», совершенно очевидно – независимо от того, называем ли мы это информационной войной, информационным противоборством, информационными операциями или информационной борьбой – ни одному государству не гарантирована победа на основании одного лишь большого количества военных ресурсов или возможностей. Искусство информационного противоборства необходимо оттачивать постоянно, пересматривать время от времени и подстраиваться под конкретную аудиторию.

Россия активно совершенствует свои методы в конфликтах, проходящих в реальном времени, поскольку она использует информационную борьбу и внедряет её в арсенал невоенных средств для достижения политических целей. При таком подходе Россия учится не столько у других, сколько у самой себя. И в этом, возможно, и заложена главная сила информационного противоборства: по этому предмету нет догматических учебников. Информационные кампании могут быть адаптированы под любую конкретную обстановку. Информационная кампания, которая сработала в Крыму, в другом месте может привести к другому результату. Это еще больше убеждает Россию в правильности выбранного подхода, основанного на извлечении уроков, – в своей следующей битве не используй те же приемы, которые использовал в предыдущей. Самое большое достоинство информационных возможностей в том, что они могут играть большую или меньшую роль в зависимости от конкретных требований. Это обстоятельство имеет огромное значение, поскольку роль невоенных средств достижения политических и стратегических целей в конфликтах значительно возросла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение теорий информационной войны в современном геополитическом климате – это работа, которая никогда не заканчивается. Непрерывающийся цикл производства новостей и различные способы распространения и потребления информации по всему миру затрудняют конкуренцию в операциях, связанных с информацией. Однако, как мы видим в случае с Грузией, небольшая страна в состоянии вполне конкурентоспособно контролировать информацию и оказывать влияние на целевую аудиторию, чтобы сдерживать усилия большой страны или даже вообще нанести ей поражение в этой сфере. Даже после осознания своих ошибок, сделанных в Грузии, Россия не смогла заполнить большое количество украинских регионов. Она упустила возможности в Луганске и Донецке, когда не смогла быстро пробиться в эти регионы. Однако, Россия, похоже, руководствуется принципами Герасимова относительно пересмотра стратегий информационного противоборства, продолжая направлять в различных формах официальные и неофициальные послы, а также совершенствуя искусство информационного противоборства.

Один из исследователей российской пропаганды называет ее не «информационной войной», а «войной против информации». Учитывая, какое значение Россия придает манипулированию информацией, восприятие информационного пространства как потенциально опасной среды, как сферы способной свергать правительства и влиять на общественное мнение и поведение, вполне понятно. Бывший генерал КГБ заявил, что общая цель советской пропаганды была недалеко от той «подрывной деятельности», которую Россия ведет сегодня посредством кампании дезинформации в интернете: «активные шаги, направленные на то, чтобы ослабить Запад, вбить клин во всевозможные альянсы западного сообщества, особенно в НАТО, посеять разногласия между союзниками, ослабить Соединенные Штаты в глазах народов в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке и таким образом подготовить почву на тот случай, если война действительно произойдет».

В то время как СМИ основное внимание уделяют наступательным кибератакам и попыткам нарушить работу критических объектов инфраструктуры и воспрепятствовать доступу населения к финансовым институтам и службам экстренной помощи, Россия осознает потенциальные возможности, связанные с оказанием влияния через киберпространство. И поэтому Россия продолжает совершенствовать свои информационные операции в режиме онлайн против региональных и международных объектов, обгоняя своих оппонентов в своих невоенных кибервозможностях и демонстрируя, что не все угрозы в киберпространстве имеют двойственный характер. □

СДЕРЖИВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Защита от нелинейных угроз

Полковник Джон Нил, Сухопутные Силы США

Теории сдерживания времен «холодной войны» оказались недостаточными в применении в современную эпоху, когда державы меряются силой. Прямолинейный подход военной эскалации не актуален в обстановке, когда агрессоры выбирают невоенные средства в качестве инструментов для достижения своих стратегических целей. Деятельность ниже уровня военного конфликта в настоящее время представляет значительную угрозу национальной безопасности, а в будущем, возможно,

будет расцениваться наравне с военной угрозой. Государства также более склонны к использованию невоенных средств из-за присутствия им двусмысленности и отсутствия четких норм поведения, связанных с использованием этих инструментов. Поэтому правительства должны пересмотреть свое видение сдерживания, принимая во внимание эти изменения, и разработать эффективные стратегии, которые будут лучше отвечать на угрозы национальной безопасности.

Двусмысленность, присущая нынешней обстановке безопасности, выражается в отсутствии четкой границы между военными и невоенными средствами. Набор военных инструментов, имеющихся в распоряжении государства, значительно расширился. Традиционно в этот набор включаются наземные, воздушные и морские формирования и возможности наносить противнику смертоносный ущерб. Для целей этой статьи примем это определение. Однако, сегодня вооруженные силы государства обладают средствами, которые обычно не входят в категорию военных, такие как кибернетические, информационные и экономические инструменты. Это отсутствие четкого различия между военными и невоенными средствами еще больше усложняет сдерживание в современных условиях.

Концепции сдерживания, разработанные во времена «холодной войны», сводились в основном к использованию военных средств, основанном на четком соотношении сил, определявшим вероятность успеха. Ключевая роль здесь отводилась эскалации в соответствии с общепризнанными параметрами. Эти идеи использовались в концепции сдерживания посредством принятия стратегий отказа от нападения и ответного удара для защиты национальных интересов. Кроме того, осмысление сдерживания породило ключевые вопросы относительно его достижения, обозначило основные требования к нему и признало, что противники будут применять поэтапный подход для подрыва усилий по организации сдерживания. Все эти идеи были актуальны в мире, где военные инструменты были основными средствами агрессии.

В ответ на конфронтационное поведение России и Китая в течение последних двух десятилетий политические руководители обратились к теориям сочетания «холодной войны» и зарождающегося нового вида сдерживания. При этом они в недостаточной мере приняли во внимание различия между обстановкой «холодной войны» и нынешними условиями. Все еще существуют значительные недостатки в осмыслении сдерживания, которые необходимо устранить. Во-первых, центральная роль военной силы и линейная природа конфликта уже более не применимы. На смену этим идеям должно прийти понимание паритета между военными и невоенными средствами, угрожающими национальным интересам. Кроме того, концепции времен «холодной войны» относительно основных требований к сдерживанию, ключевых условий его достижения и поэтапный подход противников все еще остаются в силе, но в контексте использования невоенных средств все эти идеи имеют новое значение.

Изменившаяся обстановка

В частности, существуют три невоенные сферы, которые сейчас представляют гораздо большую угрозу, чем еще несколько десятилетий назад: кибернетическая, информационная и экономическая. При определении наиболее рационального времени использования этих инструментов применяются совершенно другие расчеты, чем при использовании военных средств. Применение

Фонтаны воды от взрывов в ходе учений НАТО «Единый трезубец – 18» на побережье Трондхайм в Норвегии. Такие учения демонстрируют возможности и решимость НАТО и тем самым сдерживают агрессию. РЕЙТЕР

каждого из этих инструментов порождает аналогичные вопросы относительно того, каким должен быть ответ и какого масштаба, и это усложняет выработку стратегий сдерживания.

Особое беспокойство вызывает киберугроза. Киберсредства могут использоваться при проведении военных, экономических и информационных операций, они также могут использоваться для наблюдения за компьютерными системами, для их повреждения или уничтожения. Есть многочисленные примеры того, как эти действия совершались государственными субъектами. В статье в журнале «Wired» Энди Гринберг отмечает, что российская кибератака «НеПетя» против Украины в 2017 г. нанесла многим странам мира ущерб на общую сумму более 10 млрд. долл. США. В 2011 г. группа хакеров, находящаяся в Северной Корее и, предположительно, связанная с правительством этой страны, атаковала компьютерные сети компании Sony Pictures в ответ на то, что эта компания выпустила фильм сатирического содержания о руководителе Северной Кореи Ким Чен Ёне. По данным исследования, проведенного Фондом в защиту демократии, китайские кибервторжения и нелегальное использование чужих сетей нанесли существенный ущерб иностранным компаниям. Несмотря на многочисленные доказанные нападения со стороны государственных субъектов, все еще нет единого мнения относительно того, где место таких действий в широком спектре понятия конфликта.

Хотя явление дезинформации противника существует тысячи лет, с развитием цифровых СМИ и интернета оно получило гораздо более широкое распространение. По отношению к информационной войне отдельные государства используют всеобъемлющий подход, предполагающий минимальные ограничения. В 2011 г. в концептуальном документе о сфере деятельности в информационном пространстве Министерство обороны России определило информационную войну как проведение психологических кампаний против

населения определенной страны с целью дестабилизации как общества, так и правительства. За последние два десятилетия возможности России в проведении информационной войны существенно возросли за счет более широкого присутствия СМИ, социальных сетей и киберсредств. Эти изменения значительно увеличили возможности информационной войны создавать угрозу национальной безопасности.

Морские пехотинцы из 24-го экспедиционного подразделения Корпуса морской пехоты взбираются на точку в Исландии в ходе учений НАТО с холодными погодными условиями «Единый трезубец-18». РЕЙТЕР

Так же, как и информационная война, экономические инструменты для оказания влияния на другие государства использовались столетиями, но возросшая взаимосвязь государств, вызванная процессом глобализации, в сочетании с экономической цифровой уязвимостью превращают эти инструменты в гораздо более серьезную угрозу, чем раньше. Есть убедительные основания для того, чтобы предположить, что Россия использует экономические инструменты для манипулирования другими государствами в собственных национальных интересах. В опубликованном в 2016 г. докладе Центра стратегических и международных исследований говорится о соотношении между уровнем российского экономического присутствия в определенной стране и деградацией в этой стране демократических ценностей и стандартов. Аналогичным образом, похищение китайцами промышленных секретов и интеллектуальной собственности используется для повышения конкурентоспособности китайских компаний, нанося при этом ущерб иностранным компаниям, о чем говорится в докладе Mind Point Group, опубликованном в 2014 г. Экономические средства также имеют двусмысленный характер в плане того, как они вписываются в широкий спектр понятия конфликта, поскольку в то время как роль некоторых экономических шагов, таких как повышения тарифов, в эскалации вполне понятна, роль других шагов, таких как рост экономического влияния, нет.

Главный вопрос сейчас в том, как невоенные

средства меняют природу времени и скорости развития конфликта. В военном конфликте, как правило, есть четко определенное начало враждебных действий, обычно характеризующееся открытым применением смертоносной силы. Ему предшествует период накопления военной мощи в определенном месте, которое может служить предупреждением о готовящейся агрессии. У невоенных средств совершенно другие временные рамки проведения операций и их последствий. Прежде чем будут достигнуты определенные результаты, информационные операции могут длиться месяцами или даже годами. Кибератаки, напротив, могут за считанные минуты вызвать катастрофические последствия, и проводятся они без предупреждения. Этот широкий диапазон хронологических факторов должен приниматься во внимание при выработке будущих подходов к сдерживанию.

Теория сдерживания

При выработке будущей политики сдерживания необходимо пересмотреть несколько аспектов военного сдерживания. Во-первых, в военном сдерживании спектр конфликта рассматривается как линейное понятие, где использование силы происходит вдоль известной шкалы. Во-вторых, эта шкала предполагает, что стороны хорошо понимают механизм использования специфических военных инструментов и последствия такого использования. Такое понимание подкрепляется оценкой соперниками соотношения сил, что, как правило, сводится к чисто военным возможностям. И наконец, теория военного сдерживания не принимает во внимание последствия применения невоенных инструментов при развязывании войны.

Линейный спектр конфликта является одним из хорошо известных наследий «холодной войны». В 1965 г. теоретик Герман Кан для описания рамок эскалации конфликта использовал сравнение с лестницей. Схема состоит из линейного расположения уровней кризиса и соответствующих уровней риска. Субъекты двигаются вверх или вниз по этой «лестнице», совершая действия, которые, соответственно, увеличивают или снижают уровень угрозы, исходящей от противника. Эта концепция применялась для сценариев «холодной войны», в частности, для сценариев конфликта между США и Советским Союзом.

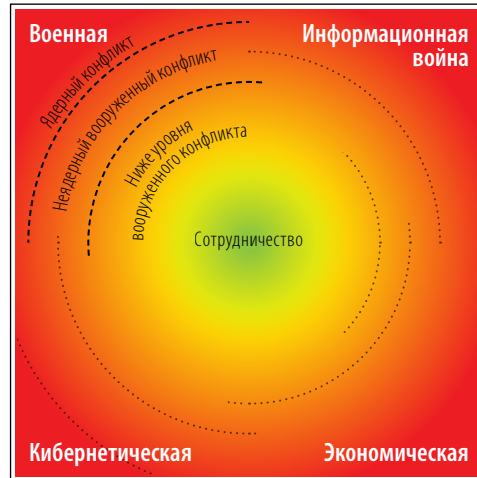
Для определения цены, которую придется заплатить за конкретное действие, использовался метод соотношения сил, при этом каждое государство могло относительно легко дать количественную оценку своим сильным и слабым сторонам. Невоенные инструменты, однако, не поддаются количественной оценке, и поэтому потенциальные последствия использования этих инструментов гораздо более абстрактны. Существуют также общепринятые рамки потенциальных затрат на эскалацию военного конфликта и реакции противника на такую эскалацию. Но для случая применения невоенных средств таких рамок нет. Все это усложняет подсчет сдерживающего эффекта невоенных инструментов.

Нелинейное сдерживание

Понимание обстановки

1. Знай своего противника.
2. Осознай возросшую угрозу национальной безопасности со стороны невоенных средств.
3. Опусть «порог» применения невоенных средств.
4. Знай о поэтапном подходе противника.
5. Признай размытую границу между войной и миром.

Визуализация обстановки

Сдерживающий подход

1. Снизить двусмысленность.
2. Выйти за пределы действий в рамках только одной сферы.
3. Применять ключевые аспекты теории сдерживания:
 - Решить, кого, что и когда сдерживать и что именно стоит сдерживать.
 - Четко определить агрессора; послать агрессору ясный сигнал; обладать возможностями для ответных действий.
 - Сдерживать наказанием.

Источник: полковник Джон Нил, Сухопутные силы США

Хотя по вопросам использования военных, кибернетических, информационных и экономических инструментов есть масса литературы, когда речь заходит о сдерживании, каждая из этих сфер рассматривается изолированно. Осмысление сдерживания склонно основное внимание уделять ответным мерам в той же самой среде, в какой произошло нападение, например, военный ответ на военную провокацию, не рассматривая эти действия в более широком контексте поведения и намерений противника. Для выработки эффективной политики сдерживания требуется максимально комплексный подход к вопросу сдерживания, который бы охватывал все военные и невоенные сферы и признавал изменчивую природу конфликтов.

Сдерживание на уровне государств

Чтобы теория была полезна практическим работникам, она должна обеспечивать последовательный подход к сложной проблеме с многочисленными факторами и переменными. Перемены в обстановке безопасности, включая взаимозависимое использование военных и невоенных средств наряду с широким спектром временных рамок, когда противники используют элемент недоказуемости и говорят «мы этого не делали», сделали природу сдерживания более сложной. Существующие теории сдерживания и соответствующие научные разработки не отражают в нужной мере эти изменения. Для описания обновленной концепции, которая учитывает эти изменившиеся условия, я предлагаю использовать понятие нелинейного сдерживания. Нелинейное сдерживание состоит из трех элементов. Первый элемент – понимание обстановки – основывается на пяти принципах, которые относятся к поведению противника, появляющимся новым инструментам воздействия, и к последствиям, которые эти два обстоятельства будут иметь для концепций войны и мира. Вторым элементом – визуализация обстановки. В Таблице 1 (вверху)

изображены взаимодействие военных и невоенных средств и соответствующие риски для национальной безопасности. Третий элемент концепции – подходы к сдерживанию; практические применения, которые будут двигать вперед развитие политики сдерживания.

Понимание обстановки

Первый компонент нелинейного сдерживания – это понимание обстановки. Он состоит из пяти принципов, которые представляют собой слияние современной научной мысли, включающей семь гипотез о серых зонах Майкла Мазарра (агрессия насильственного характера, но все же ниже уровня конвенционального военного конфликта); традиционного понимания сдерживания такими теоретиками как Лоренс Фридман, Джон Мейершаймер, Александр Джордж и Ричард Смоук; и идей, отражающих тенденции в обстановке. Первый принцип заключается в понимании агрессора. Теоретик Анрэ Бюфрэ кратко изложил это следующим образом: «Доктрины противника должны выступать мерилем при выработке политики сдерживания». Как Россия, так и Китай опубликовали свои концепции современной войны, в которые включено использование невоенных средств. Российские военные теоретики первыми выдвинули идею «нового поколения» войны в 2013 г. в журнале «Военная мысль». Авторы, С.Г. Чекинов и С.А. Богданов, описали концепцию, которая включает использование невоенных и военных инструментов, мишенями которых будут вооруженные силы и население противника. На самом деле, российские теоретики высказали идею о том, что именно невоенные средства могут быть доминирующим фактором, определяющим исход конфликта.

Вторым принципом в понимании обстановки является осознание возросшей угрозы, которую невоенные средства представляют для национальной безопасности. Как и в случае с первым принципом, это определено

та концепция, которой придерживаются отдельные страны. Есть многочисленные примеры того, как кибератаки, информационная война и экономические средства использовались для нанесения ущерба другим странам. Сегодня эти инструменты представляют для национальной безопасности такую же угрозу, как и военные средства. Кроме того, у них нет географических ограничений или временных рамок, которые есть у военных инструментов, и поэтому их применение требует другого уровня мышления.

Третий принцип состоит в возросшем желании использовать именно невоенные средства, оставляя военные на втором плане. Частично это является причиной, почему некоторые страны применяют эти инструменты для поддержки методов, описанных в первом принципе. Невоенные действия, особенно кибератаки и информационная война, характеризуются трудностями с определением страны-агрессора, и поэтому государства могут свободно прибегать к ним при минимальном риске наказания. Договоров, соглашений и правовых норм, регулирующих использование невоенных инструментов, гораздо меньше, если они вообще есть, и поэтому законодательно оформленных оснований для ответных мер не так уж много. Более того, нет какой-то установленной шкалы поведения, которая бы определяла степень тяжести конкретных невоенных действий. Все эти факторы играют на руку странам, пытающимся достичь своих целей.

Четвертый принцип – признание того факта, что некоторые государства прибегают к постепенному подходу, используя целую серию незначительных действий для того, чтобы достичь результата в долгосрочной перспективе и избежать открытого конфликта. Томас Шеллинг во времена «холодной войны» дал этой концепции название «нарезание салями», а позднее Мазарр описал ее как «поэтапность». В этом процессе государство предпринимает серию действий, которые не вызывают сами по себе эскалацию напряженности между странами. Тем не менее, в сумме все эти действия создают новый статус-кво, выгодный для агрессора. При таком подходе, чтобы понять более широкий контекст и намерения, необходим взаимосвязанный взгляд на военные и невоенные действия на протяжении определенного периода времени.

Пятый принцип заключается в том, чтобы перестать мыслить строго категориями войны и мира. Вместо этого следует признать, что граница между этими двумя понятиями теперь размыта и более не является четкой и ясной. Такое состояние дел ставит правительства в невыгодное положение, поскольку традиционно они привыкли мыслить этими двумя категориями и делить свои инструменты на строго военные и мирные. И напротив, это состояние, которое Лукас Келло в своей книге «Виртуальное оружие» описал словом «немир», идет на пользу агрессору, позволяя ему максимально использовать невоенные средства и применять поэтапный подход.

Визуализация обстановки

Вторая часть нелинейного сдерживания – визуализация обстановки. Способность видеть и понимать связь между использованием военных и невоенных инструментов на протяжении какого-то времени чрезвычайно важна для понимания того, как деятельность противника угрожает национальным интересам. Она способствует выработке четкой политики и действий по сдерживанию дальнейшей агрессии и помогает предвидеть возможные сферы, которые могут вызывать озабоченность. Для представления нелинейной визуальной модели необходимо рассмотреть графические изображения спектра прошлого, нынешнего и эволюционирующего конфликта и понять, как различные средства в них вписываются.

Рисунок 1.

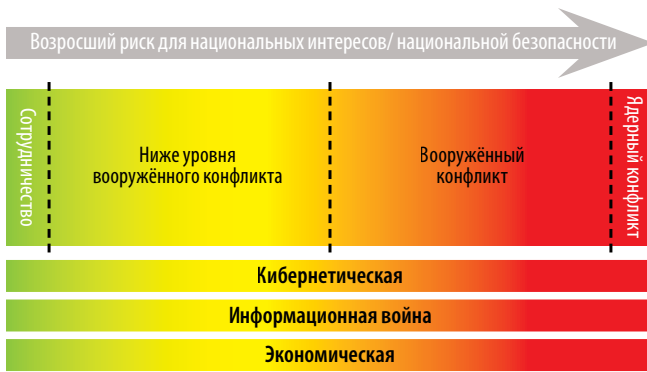
Прошлые концепции имели форму подвижной шкалы и основное внимание уделяли использованию военной силы, а невоенные средства при этом были вспомогательным компонентом военных средств (см. выше Рисунок 1). Это отражало идею о том, что военные действия имеют четко определенную иерархию эскалации с четкими отличительными характеристиками и что невоенные средства имеют плохо обозначенную поддерживающую роль и едва ли представляют собой угрозу.

Мы сейчас признаем, что невоенные средства представляют большую угрозу национальной безопасности, а в будущем, возможно, будут представлять такую же угрозу, как и военные инструменты. Тем не менее, эти сферы часто рассматриваются изолированно, и к ним применяется теоретическая шкала потенциальной эскалации (см. Рисунок 2). Это является отражением нынешнего пристального внимания к сдерживанию нападений в каждой конкретной сфере без понимания того, как действия в каждой из этих сфер в сумме вносят свой вклад в ухудшение обстановки в сфере безопасности.

Модель эволюционирующей концепции уходит в сторону от шкалы эскалации, поскольку необходимость в этой шкале снижается из-за того, что противостоящие стороны ищут способы обойти установленные нормы. В

Рисунок 2.

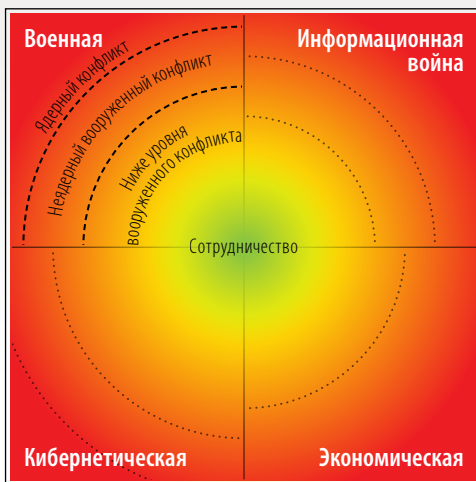
Спектр с равным применением военных и невоенных средств

Источник: полковник Джон Нил, Сухопутные силы США

Рисунок 3.

Многовекторный спектр конфликта

----- Определенные «пороги»

..... Неопределенные «пороги»

Возросший риск для национальных интересов/
национальной безопасности

Источник: полковник Джон Нил, Сухопутные силы США

этой модели военные и невоенные средства представлены как равные в их способности представлять угрозу национальным интересам и национальной безопасности. Пороги для использования военной силы определены, а пороги для невоенных средств также будут приниматься во внимание, если они будут четко определены (см. выше Рисунок 3). Однако, военная и невоенная категории не могут рассматриваться изолированно друг от друга. Разделительные линии в этой модели отражают идею о том, что каждая сфера является четко определенной и обособленной; такая же концепция описана на Рисунке 2 с использованием параллельных линий.

Визуализация обстановки через нелинейное сдерживание указывает, на то, что военные и невоенные средства представляют угрозу в равной степени, а также на их взаимозависимость, демонстрируя возросший суммарный риск для национальных интересов и национальной безопасности. Эта модель разработана для того, чтобы продемонстрировать, как действия в одной сфере связаны с действиями в другой, например, как использование военной силы может повлиять на экономику. Эта модель также показывает, как потенциальные пороговые линии могут применяться больше чем в одной сфере. Для того, чтобы проиллюстрировать эти концепции, показаны действия в Украине и вокруг нее в период с апреля по ноябрь 2018 г. На схеме указано, как действия в различных сферах связаны между собой и как они вплотную подходят к границам допустимого поведения (см. на следующей странице Рисунок 4). Этот пример изображает государство, действующее в конкретном географическом районе против другого государства. Для того, чтобы выявить связи и риски, эта модель может быть расширена и изображать государство, действующее по всему миру в течение более длительного периода времени или же сосредоточенное на меньшем географическом регионе и меньшем отрезке времени.

Визуализация обстановки является ключевым элементом концепции нелинейного сдерживания. Она включает и характеризует принципы «понимания обстановки» в графическом формате, что создает условия для применения принципов «сдерживающих подходов». Эта модель также адаптивна. Она разработана таким образом, чтобы могла включать новые появляющиеся концепции сдерживания и терминологию, чтобы отражать меняющуюся природу конфликтов и ту роль, которую в этой обстановке играют различные инструменты.

Сдерживающие подходы

Первый принцип сдерживающих подходов заключается в необходимости снизить двусмысленность относительно источника нападения. Эта двусмысленность является основным фактором, позволяющим сопернику создавать стратегии нападения. Уменьшение двусмысленности значительно снизит возможности нападающей стороны достичь своих целей. Чтобы это сделать, необходимо установить четкие параметры и нормы поведения и наказания для нарушителей. Как указывает Томас Шеллинг в работе «Стратегия конфликта», в борьбе с поэтапной угрозой срыв отдельных действий противника является более эффективным, чем борьба с его общими целями. Применяя этот метод, государства могут шаг за шагом срывать планы агрессора, прежде чем ситуация необратимо изменится в пользу агрессора.

Один из способов разработки параметров – это установление четких «красных линий» для действий, угрожающих национальным интересам, что определенно бросит вызов поведению агрессора. «Красная линия» определяется как заявленная позиция субъекта, где он заявляет, что предпримет ответные действия,

Нелинейная визуализация обстановки

----- Определенные «пороги»
 Неопределенные «пороги»

Возросший риск для национальных интересов/
 национальной безопасности

Действия в Украине и вокруг нее (апрель–ноябрь 2018 г.)

- 1 **2018 г.:** Утверждения российской кампании дезинформации: Украина заразила море холерой, Украина пыталась контрабандным путем ввезти в Крым ядерную бомбу, на украинских морских базах будут размещены войска НАТО.
- 2 **Апрель–ноябрь:** Нарастание российских наземных и военно–морских сил в Крыму и в Азовском море.
- 3 **Май:** Россия ввела в строй Керченский мост, что привело к нарушению торгового судоходства Украины.
- 4 **Май–октябрь:** Россия останавливает и досматривает торговые суда, направляющиеся в украинские порты в Азовском море.
- 5 **Сентябрь:** Россия заявляет, что она придерживается договора от 2003 г., объявляющего Керченский пролив одновременно российским и украинским.
- 6 **Октябрь:** Российские совместные учения ВМФ и сухопутных сил в Крыму и на Черном море.
- 7 **Октябрь–ноябрь:** Россия собирает информацию о компьютерных сетях и проводит кибератаку на украинские правительственные сети в сочетании с российскими операциями в Керченском проливе.
- 8 **15–21 ноября:** Россия заявляет о своем единоличном суверенитете над Керченским проливом; Конвенция ООН по морскому праву неприменима.
- 9 **23–26 ноября:** Россия напала на три украинских судна, проходившие через Керченский пролив, и захватила их экипажи.
- 10 **26 ноября:** ТАСС сообщает о нарушении российской границы украинскими судами.

Источник: полковник Джон Нил, Сухопутные силы США

если другой субъект предпримет агрессивные действия против этой позиции. Одним из примеров является Статья 5 Устава НАТО, которая гласит, что вооруженное нападение на одного из членов альянса вызовет ответ всех членов альянса. Тем не менее, «красными линиями» присущи некоторые слабые стороны. В своей работе «Красные линии и свершившийся факт в межгосударственном принуждении и конфликте» Дэвид Олтман отмечает, что «красные линии» произвольны и могут быть неточными, неполными и неподдающимися проверке. Статья 5 Устава НАТО имеет отдельные уязвимые места. В 2014 г. страны-члены НАТО договорились, что кибератака отвечает критериям нападения в соответствии со Статьей 5. Это шаг имел смысл, учитывая повысившийся уровень киберугроз, но при этом он также демонстрирует некоторые уязвимости «красных линий». Однако, эта позиция неточна и неполна, поскольку альянс четко не определил, что является кибератакой. Также трудно определить источник нападения, и одно из преимуществ кибернападения в том, что нападающая сторона будет все отрицать. И наконец, за те годы, что прошли после принятия НАТО этой позиции, имели место многочисленные кибератаки на членов альянса, и за ними не следовали конкретные ответные меры или введение в силу Статьи 5. Чтобы быть эффективными, «красные линии» должны быть четко обозначены, сопровождаться реальной угрозой и,

что наиболее важно, при их нарушении должны обязательно следовать ответные меры.

Еще одним методом является установление юридических рамок допустимого поведения путем заключения договоров, международных соглашений и проведением национальной политики. Одна из фундаментальных проблем с невоенными средствами заключается в отсутствии таких рамок, что позволяет противнику довольно эффективно использовать эти средства. Идея договора, регулирующего деятельность в кибернетической сфере, не нова. Национальные правительства, международные организации и частные корпорации призывают к выработке своего рода «жневской конвенции», которая бы регулировала использование инструментов кибернетической сферы. В связи с этим возникает несколько проблем. Одна из них – трудно убедить сильных соперников принять важные стандарты поведения, особенно в ситуации, когда в интересах многих из них именно не принимать эти стандарты. Другая проблема в том, что некоторые государства не будут соблюдать условия подписанного ими договора. И наконец, поскольку один из главных вопросов при использовании невоенных средств состоит в определении источника нападения, нарушение договора конкретной страной доказать будет очень трудно. Тем не менее, даже при наличии всех этих недостатков, все же имеет смысл работать над заключением таких соглашений. Кроме того, государства могут установить свои собственные

национальные стандарты поведения и допустимые «пороги», при пересечении которых последует возмездие. Это умерит пыл тех, кто захочет совершить кибератаку, источник которой будет трудно отследить. Здесь уже может быть применима шкала эскалации наподобие шкалы эскалации при военных действиях.

Второй принцип сдерживающих подходов состоит в том, чтобы выйти за пределы действий, относящихся только к какой-то одной сфере. Во многих случаях государства предпринимая ответные действия или проявляют свою позицию в той же самой сфере, в какой была совершена агрессия. Например, США выстраивают более мощную оборону против киберугроз путем расширения своих операций в киберпространстве. НАТО нарастила военную мощь в ответ на возросшую военную агрессивность России. Для большей эффективности государствам необходимо разработать законодательно оформленную стратегию, которая бы для наиболее рационального ответа на агрессивные действия противника интегрировала использование набора инструментов из всех сфер.

Третий принцип сдерживающих подходов состоит в необходимости принять во внимание ключевые аспекты теории сдерживания. Основной из этих аспектов отвечает на вопросы о том, кого, что и когда сдерживать, а также на фундаментальный вопрос о том, какие действия стоит сдерживать. Эти требования закладывают основу стратегии сдерживания и позволяют политическим руководителям рассматривать угрозы в контексте национальных интересов с тем, чтобы четко определить приоритетность распределения усилий и ресурсов.

Также применимы к нынешней обстановке три требования к сдерживанию, описанные Шеллингом в его работе «Оружие и влияние». Первое требование состоит в том, чтобы определить источник агрессии; государство должно быть в состоянии безошибочно назвать агрессора. Второе требование – послать сигнал; государство посылает агрессору четкое уведомление о своих намерениях. И третье требование – убедительность; у государства действительно имеются действенные возможности для ответа агрессору, которые оно на самом деле готово применить. В контексте невоенных средств с каждым из этих требований могут возникнуть проблемы. Ведение войны на кибернетическом и информационном пространстве оптимально тогда, когда невозможно определить источник агрессии. Даже экономические средства, которые обычно носят открытый характер, могут вызывать двусмысленность относительно их действительных намерений. Более того, демонстрация возможностей ответных действий для пущей убедительности часто может обернуться снижением этих возможностей, поскольку противник может быстро разработать контрмеры.

Следующий аспект – это баланс между сдерживанием путем создания препятствий и сдерживанием путем угрозы наказания. Оба эти метода дееспособны, но сдерживание путем угрозы наказания часто более

эффективно при сдерживании использования невоенных средств. Для этого есть несколько причин. Во-первых, очень трудно создать для противника условия, при которых его нападение станет невозможным. Во многих странах построены свободные и открытые общества с присущим им беспрепятственным доступом к киберпространству и СМИ. Ограничение этих свобод будет идти вразрез с этими принципами. Во-вторых, оборонительные усилия против невоенной агрессии не настолько эффективны, чтобы отнять у противника возможность достичь поставленной им цели. В-третьих, трудно предотвратить доступ агрессора к невоенным инструментам, поскольку они обычно дешевы, широко распространены и используются как в военной, так и в гражданской сферах. По мере того, как условия меняются и технологии совершенствуются, в будущем возможен сдвиг в сторону сдерживания путем создания препятствий, но пока что угроза возмездия предоставляет больше возможностей сдерживания.

При сдерживании путем наказания применимы концепции контрсилы и выбора объектов нанесения встречного удара. Эти методы допускают выборочное применение невоенных инструментов для того, чтобы напавший противник заплатил высокую цену. Макс Смитс недавно описал эту концепцию использования киберинструментов в своей работе «Стратегическое обещание наступательных киберопераций». Он указывает, что этот подход уже использовался во многих случаях, даже если чисто формально он назывался по-другому. Этот же самый подход может быть применим и к экономическим инструментам, где некоторые действия нацелены на конкретные возможности, в то время как другие нацелены на более широкие области.

Заключение

Природа конфликта меняется. Государства все чаще прибегают к использованию невоенных средств для достижения своих целей, по ходу меняя концепцию эскалации конфликта. Это взаимозависимое использование военных и невоенных средств привело к размыванию границы между войной и миром. Эти факторы создали условия, при которых противостоящие стороны в своих целях используют недоказуемость своих нападений и отсутствие международных норм поведения, угрожая государствам такими действиями, которые раньше было трудно представить. Для обеспечения своих интересов в будущем государства должны адаптировать свое понимание сдерживания к новым условиям.

Нелинейное сдерживание предполагает осмысление сдерживания, которое поможет в понимании современной обстановки безопасности. Это слияние прошлого и нынешнего осмысления, а также идей, порожденных недавно принятой доктриной противника и его поведением. Это также отправная точка для дальнейших дискуссий и дополнительных усилий в разработке межгосударственного сдерживания, которое можно применить при формулировании национальной политики. □

Путинская Россия

Гибридное государство, не связанное ограничениями

Полковник Райан Уортман, Сухопутные силы США

Заключительное коммюнике встречи руководителей стран-членов НАТО в Варшаве в 2016 г. признало факт изменения обстановки в сфере безопасности и то, что злонамеренная «деятельность и политика России снизили уровень стабильности и безопасности» и «повысили степень непредсказуемости», что требует от НАТО наращивания усилий в сфере «сдерживания и оборонной политики». Страны НАТО сообща расширили свой основанный на сдерживании подход, охватывающий всеправительственную стратегию, подтвердили свою готовность к обороне и приняли меры сдерживания, увеличив военное присутствие, возможности стран-партнеров и повысили степень взаимодействия и жизнестойкости альянса. Продолжающийся режим санкций дополняет усилия НАТО, сдерживая ресурсы и мобильность отдельных российских граждан и компаний. Эта вспомогательная мера имеет целью повлиять на Россию как унитарное государство, при этом не оказывая существенного давления на негосударственных субъектов (НГС), которых Москва использует для создания нужной ей обстановки и подрыва региональной стабильности.

Концепция сдерживания НАТО основывается на предположении, что Россия функционирует как унитарное государство, и поэтому ее можно сдерживать в соответствии с проверенными и отработанными принципами и допущениями, заложенными в теории рационального сдерживания. Аналогичным образом, подавляющее количество современной литературы по тематике сдерживания России уделяет основное внимание угрозам и возможным действиям в ответ на гибридную агрессию, совершенную унитарным государством в размытом состоянии между войной и миром. Несомненно, при президентстве Владимира Путина Россия является унитарным государством, но двойственность традиционных государственных органов и разветвленной структуры единоличной власти, не связанной ограничениями

унитарного государства, дают Путину широкий выбор средств и методов для достижения стратегических целей. Бюрократический плюрализм и гибридный характер объединений бросают вызов обычному пониманию сдерживания и ставят под вопрос кремлевский эволюционирующий аппарат принятия решений и расчеты риска. Как пишет Грэм Херд из Центра им. Маршалла, нынешнее российское общее направление на «деглобализацию, деинституционализацию и демодернизацию» для оказания влияния на другие страны делает Россию зависимой от инструментов и методов, применяемых НГС. Слабые российские органы публичной власти все больше подвергаются влиянию, а часто и контролю со стороны базовой сети центров единоличной власти, определяющих стратегическую повестку дня России. Эти тенденции предполагают, что необходимо дать ответ на ряд принципиальных вопросов относительно России: является ли Россия унитарным государством или же превратилась в гибридного государственного субъекта? И что это означает в контексте сдерживания?

Для сдерживания гибридного государственного субъекта (ГГС), имеющего ядерное и обычное оружие, НАТО должна разработать стратегию, которая бы одновременно сдерживала государство и сопутствующие НГС. НАТО должна сохранять ядерное сдерживание и дальше поддерживать свою жизнестойкость и укреплять конвенциональные оборонные договоренности, чтобы не дать России добиться своих целей. Одновременно с этим нужно обеспечивать отдельные страны-члены необходимыми знаниями, возможностями и потенциалом, чтобы срывать злонамеренные замыслы российских субъектов, а при необходимости, и наказывать их на локальном уровне.

Сдерживание унитарного государства и НГС

Согласно теории рационального сдерживания, «баланс сдерживания» ведет к стабильности и поддержанию статус-кво. Эта теория предполагает, что унитарные

государства основывают свое принятие стратегических решений на логике и пытаются добиться результатов, исходя из рационального анализа затрат и выгод. По своей сути, цель сдерживания в том, чтобы разубедить потенциального агрессора от совершения нежелательных действий путем формирования у агрессора ощущения того, что обороняющаяся сторона приняла твердое политическое решение предпринять ответные меры, формирования процессов принятия решений у агрессора и способности агрессора четко просчитывать и контролировать риск. Даниэл Собельман в своей работе «Учиться сдерживать» отмечает, что «сдерживание достигается через доведения до сведения противника угрозы просчитанного и гарантированного ответного удара с целью формирования или переформирования восприятия ситуации противником и манипулирова-

В день годовщины иранской исламской революции в Тегеране выставлен флаг, сделанный из флагов Ирана, Палестины, Сирии и «Хезболлы». «Хезболла» и палестинская группировка «Хамас» являются примерами негосударственных субъектов, которых поддерживает Иран. РЕЙТЕР

ния его поведением». «Сдерживание путем наказания» и «Сдерживание путем создания препятствий» являются наиболее применяемыми методами. В условиях обладания ядерным оружием цена нарушения существующего статус-кво понятна и высока. Однако, как отмечают Александр Джордж и Ричард Смоук в книге «Сдерживание в американской внешней политике: теория и практика», в условиях неядерного военного противостояния сдерживание путем создания препятствий стремится сформировать у агрессора понимание того, что затраты и риски от агрессивных действий будут перевешивать ожидаемые выгоды. Успешное сдерживание поддерживает статус-кво, лишив агрессора возможного варианта нападения либо путем создания серьезных препятствий, либо угрожая возмездием. В то же время, все большее количество вариантов нападения, появляющиеся у потенциального агрессора, требует эволюции осмысления сдерживания, иначе попытки сдерживания могут потерпеть неудачу.

Сдерживание унитарных государств, применяющих все элементы национальной мощи, является трудной задачей,

но достаточно исследованной и хорошо задокументированной. Сдерживание НГС менее изучено и осложняется асимметрией политической воли, стратегических целей, центров притяжения, эффективных подходов, организационных структур и политической решимости, делая сдерживание трудной, или даже невыполнимой, задачей.

Наиболее хорошо изученные НГС добиваются своих целей насильственным путем. Однако, в числе НГС есть как легальные, так и нелегальные организации, мобилирующие население, ресурсы и идеологические установки на региональном и транснациональном уровнях. Слияние идеологических направлений, распространение технологий и возросший доступ к источникам финансирования и информации делают НГС все более влиятельными, они становятся «проводниками действий государства», как это назвала Анна-Мария Слотер в своей работе «Шахматная доска и компьютерная паутина: стратегии связи в переплетенном мире». Хотя у НГС нет традиционной государственной власти, они, тем не менее, достигают влияния, выгодно используя относительное силовое несоответствие, которое часто увеличивается при отношениях «хозяин-доверенное лицо». Более того, способность НГС использовать различающиеся между собой правила предоставляет даже относительно слабым субъектам возможности конкурировать, принуждать, сдерживать и зачастую одерживать верх в отношениях с более сильными государственными противниками. Исследование конфликта между Израилем и «Хезболлой», проведенное Даниэлем Собельманом, ясно показывает, как государство и НГС достигают сдерживания, удовлетворяя ключевые требования относительно коммуникаций, возможностей, убедительности намерений и решимости дать ответ. В то время как «Хезболла» использовала ситуацию асимметрии для противостояния государству Израиль, сам Израиль пересмотрел свою конструкцию сдерживания и объединил в ней негативные, оборонные и статические характеристики сдерживания с позитивными, наступательными, открытыми и динамичными характеристиками принуждения. В конечном счете, НГС использовала симметрию для сдерживания государства, а стратегический подход, пересмотренный государством, вернул конфликт вновь в симметричные рамки.

Хотя у НГС и нет той власти, которая есть у унитарного государства, сама ситуация асимметрии делает их изначально более жизнестойкими, а те, кто пользуется поддержкой государственного «хозяина», представляют намного большую угрозу, поскольку на них не сказывается потребность «хозяина» в общественной поддержке, они свободны от ограничений международного права и не обеспокоены законностью своих действий. Идеологические источники решимости НГС, децентрализованный операционный подход и разветвленные структуры представляют серьезную проблему для конвенционального сдерживания из-за трудностей создания угрозы интересам НГС, что часто требует принуждения или силового давления. Не прибегая к

военным действиям, государства должны заставить НГС изменить свое поведение, ставя их в такое положение, когда негативные последствия поведения будут для них самих просто неприемлемыми. Успешное принуждение не оставляет им другого выбора, кроме как изменить поведение, после чего они перестают представлять стратегическую угрозу.

Гибридное государство: переосмысливая Россию

Несмотря на то, что сдерживание унитарного государства отражено во многих документах, и конфликт между Израилем и «Хезболлой» дает нам наглядный пример сдерживания НГС, концепция гибридного государства, по большому счету, отсутствует, и поэтому сдерживание такого государства, как правило, не рассматривается. Тем не менее, появление гибридного государства уже меняет характер конфликта.

Государства приспосабливаются и эволюционируют посредством эмпирического познания и структурных изменений. Познание способствует созданию улучшенных возможностей и повышению эффективности, в то время как структурные изменения увеличивают потенциал и жизнестойкость. Относительно слабый НГС при поддержке «хозяина» может добиться успеха на региональном уровне, но внешняя зависимость обнаруживает уязвимые места, которыми могут воспользоваться другие деятели, что делает возможными силовое давление и принуждение. Региональные державы, специально резервирующие государственные ресурсы для поддержки или создания НГС, получают уникальную способность расширять свои возможности, повышать жизнестойкость и сохранять возможность отрицать свою причастность к агрессивным действиям. Концепция НГС, созданных государством, не является уникальной с точки зрения исторической ретроспективы, о чем свидетельствует датированное 1921 г. письмо министра иностранных дел Великобритании советскому комиссару по иностранным делам, в котором сказано: «Когда российское правительство хочет предпринять действия, которые более чем обычно отвратительны мировому сообществу, оно обычно создает какую-то якобы независимую структуру, которая совершает эти действия вместо правительства ... Этот процесс известен и никого не обманывает». Намеренное введение подставных субъектов позволяет создавать обстановку двусмысленности относительно исполнителей и намерений, что требует ответных мер, при которых сдерживающий эффект должен достигаться одновременно в отношении государства и созданных им подставных НГС.

Путинская децентрализация власти укрепляет структуру власти «хозяина», напоминающую советские времена, но не имеющую под собой советской идеологии или ассоциированных с ней институтов. Модель двойственного государства Ричарда Саквы выразила концепцию конституционного государства, функционирующего отдельно от доминирующей системы власти. Российский режим существует в центре смещающегося набора

центров единоличной власти, функционирующих за пределами юридических рамок нормативного государства. Хотя он писал об Украине, Андреас Умланд отстаивал точку зрения о том, что власть внутри системы единоличного правления накапливается и применяется через совершенно неформальные отношения между элитами, занимающими властные позиции в экономических конгломератах, региональных политических аппаратах и официальных правительственных учреждениях. Наиболее мощные сети единоличной власти проникли во все аспекты российского общества, начиная от министерств и политических партий, и до экономических конгломератов, средств массовой информации и неправительственных организаций. Херд описывает концепцию «Коллективного Путина», согласно которой Путин распределил власть и влияние по трем четким направлениям: нормативное государство; полугосударственные экономические, политические и общественные образования; и негосударственные олигархические субъекты. В статье для вебсайта «Open Democracy» Умланд описывает материал, который скрепляет вместе все эти сети, как смесь «семейных уз, личных отношений, долгого знакомства, неформальных транзакций, кодов поведения наподобие мафиозных, накопленных обязательств и ещё не пущенных в ход компрометирующих материалов, или *компромата*». Путин реализует свою власть через сеть функциональных региональных и местных кураторов, которые способствуют «обмену должностями, деньгами, недвижимостью, товарами, услугами, лицензиями, подарками и одолжениями». Эти неофициальные сети оказывают влияние, а может быть, даже и скрыто направляют, российскую политику и процессы принятия решений. «Коллективный Путин» использует власть для своих целей, но при этом он свободен от ограничений, обязательств и ответственности, присущих традиционным моделям управления.

Имея эту двойственность национальной особенности и власти, Россия воплощает собой парадигму гибридного государства. ГГС активно сочетает легитимность унитарного государства со свободой действий НГС, внутренне укрепляя и служа элите, но при этом позволяет себе иметь дополнительные возможности, при помощи которых формирует стратегическую обстановку. Сама природа клановой системы власти подталкивает элиту к участию в предприятиях и действиях, которые размывают границы между такими понятиями как законное и незаконное, формальное и неформальное, общественное и частное, международное и внутреннее. Активное и непосредственное участие *силови́ков* (связанных со службами безопасности) в разработке российских операций создает проблему, которую Марк Галеотти в своей работе «Российская гибридная война как побочный продукт гибридного государства» описывает как «сложную, многогранную и неизбежно трудную для понимания западными ведомствами, не говоря уже о противостоянии ей». Именно на сочетании двусмысленности принятия решений и непризнания своих действий

и строится *маскировка*, или стратегический обман.

Именно на маскировке зиждется стремление Москвы получить стратегические преимущества и возможность успешно ввести в действие типологии, подрывающие сдерживание противника: контролируемое давление, ограниченное «прощупывание» соперника или возможность поставить его перед свершившимся фактом. Выборочное применение посредниками субконвенциональных методов позволяет Кремлю не признавать совершенные действия и при этом скрывать истинные оперативные намерения. В то время как Запад традиционно рассматривает экономические санкции и дипломатическое давление как рычаги для предотвращения конфликта, Россия их рассматривает в качестве военных мер. Помимо российского понимания традиционного взаимодействия великих держав, Галеотти также выделяет путинский «подход «тотальной войны» к правлению: отсутствие правовых, этических и практических ограничений на пути явного или скрытого привлечения государством новых институтов для достижения своих целей». Путин использует гибридность российского государства для того, чтобы превратить в оружие все, что возможно, и играть в игры великих держав, не имея при этом ресурсов великих держав. При этом в результате он развязывает политическую борьбу с Западом и использует подрыв политических институтов, экономическое проникновение и дезинформацию.

Широко распространено убеждение, что стратегическими целями Москвы являются следующие: защита режима, расширение своего влияния на ближнее зарубежье, ослабление западных государств и союзов и восстановление многополярного мира. Тем не менее, понимание ее приоритетов требует функционального понимания сетей единоличной власти. Основное условие сохранения путинской власти основано на его способности обеспечивать широкую общественную поддержку и очевидный успех на выборах, но он зависит от сети субъектов, которые способствуют развитию криминальных коррупционных схем, составляющих ядро и цель большинства пост-советских режимов единоличного правления. И хотя стратегические цели России ясны, защита режима является первостепенной задачей, и ей подчинены все остальные цели.

Понимание феномена гибридного государства

Чтобы лучше понять уникальность такого образования как гибридное государство, будет полезно изучить различия между централизованными, децентрализованными и гибридными организациями, которые описали Ори Брафман и Род Бэкстром в своей книге «Морская звезда и паук: безудержная власть неуправляемых организаций». Централизованные организации имеют четко определенное руководство и формальную иерархию подчинения, используют командно-контрольные функции для поддержания порядка, поддерживают дееспособность и занимаются ежедневными делами, что делает их эффективными в плане управления и выполнения

поставленных задач, но неэластичными и подверженными системным шокам. Для сравнения, децентрализованные организации не имеют четко определенного руководства и распределяют власть по всей системе, что делает их жизнестойкими и повышает их сопротивляемость системным шокам, но их работа над поставленными задачами зачастую неэффективна. Гибридное государство включает иерархическую структуру руководства, необходимую для контролирования системы и выполнения задач, одновременно с этим привлекая инициативу, интеллект и ресурсы коллектива для инноваций и создания новых возможностей. Проведенный Брафманом и Бэкстромом анализ ставших гибридными бизнес-структур позволяет понять организационные предпочтения Путина и методы, которые он использует для достижения стратегических целей и выгод. По существу, путинская сеть единоличной власти представляет собой децентрализованную систему, состоящую из автономных бизнес-единиц, которые придерживаются определенных правил и норм и отчитываются о результатах своей работы в виде прибыли, произведенного эффекта или и того, и другого. Такой подход доводит до максимума стратегические возможности, при этом поддерживая строгую вертикаль власти и сохраняет право вето.

Путин сохраняет значительное, но не абсолютное право вето относительно деятельности свободной сети субъектов, которые занимают правительственные посты и направляют деятельность неформальных группировок, которые Ричард Саква в своей работе «Двойственность государства в России» условно назвал силовиками, «демократами-статистами» и «либеральными технократами». В «Кремлевском докладе» Министерства финансов США от 29 января 2018 г. указан похожий набор групп влияния: влиятельные политические фигуры, занимающие официальные правительственные посты, главы крупных полугосударственных, но находящихся во владении государства предприятий и олигархи. Не все из перечисленных в «Кремлевском докладе» субъектов обязаны соблюдать юридические правила нормативного государства, что позволяет некоторым из них быстро приспосабливаться к ситуации, обходить ограничения и использовать по максимуму возможности. Осознавая эту проблему, санкции Министерства финансов, введенные 6 апреля 2018 г., были направлены на сдерживание России, выбрав мишенью «ряд физических лиц [и юридических лиц] ... которые получают выгоду от путинского режима и играют ключевую роль в осуществлении Россией злонамеренных действий». Эти санкции указывают на пересмотренное организационное понимание, но успешное сдерживание также потребует от Запада понимания того, как Путин реализует свою власть и до какой степени разветвленная клановая организация «Коллективный Путин» влияет на процесс принятия стратегических решений.

Анна-Мария Слотер отмечает, что «традиционное определение власти опирается на способность достичь

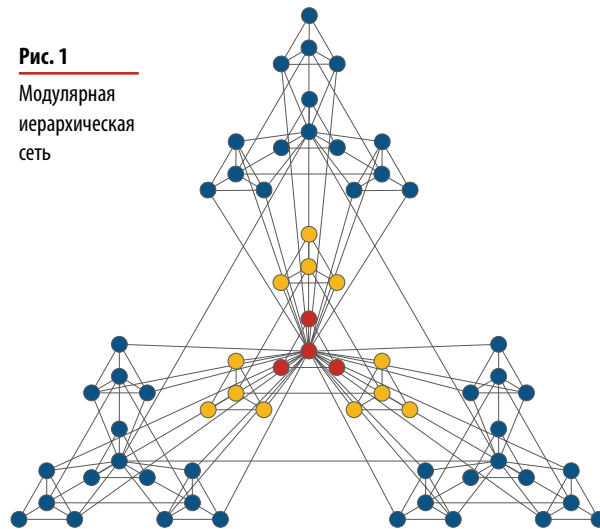
своих целей либо самостоятельно, либо заставляя кого-то ... делать что-то, чего бы они в противном случае не делали». Иерархические организации, как правило, рассматривают власть через призму транзакций и принуждения, в то время как сетевые организации приобретают власть и управляют ею через количество и силу связей между точками соединений в сети. Внутри путинская структура управления применяет жесткую силу принуждения и мягкую силу привлекательности, используя сочетание стратегий командного стиля, планирования и определения предпочтений. В то время как система единоличного правления основывается на позиционной и принуждающей власти, она подкрепляется ментальностью сети, где информация, коммуникации и материальные блага распределяются между субъектами этой сети. Модулярная иерархическая модель сети из книги Слотера дает точную характеристику того, как будет выглядеть сетевая модель современного российского государства [Рис. 1]. Центральная точка пересечения, соединенная с другими точками в нисходящей иерархии централизованности и связуемости; все связаны между собой, но не для всего набора целей, создавая систему жизнестойкости посредством сочетания многообразия точек, модулярности и избыточности. Как сказано в статье Галеотти «Управляя хаосом: как Россия справляется со своей политической войной в Европе», президентская администрация представляет собой центральную точку «и, возможно, наиболее важный отдельно взятый орган внутри российского в высшей степени де-институализированного государства». Хотя президентская администрация занимает в сети центральное место, служащая основой система единоличной власти делает необходимым личный арбитраж Путина при межведомственных конфликтах и личное участие при принятии решений стратегической важности.

Способность Путина создавать, охранять, приспосабливать и множить свою сеть единоличной власти делает функциональной концепцию «умной силы» Джозефа Ная и Сюзанн Носсел. Путин сочетает элементы жесткой и мягкой силы путем выборочного использования всех имеющихся инструментов для оказания давления на союзников, институты и корпорации и для поддержания внутренней стабильности при достижении стратегических целей. Принимая во внимание всю российскую историю, пропитанную родовыми и клановыми сетями, растущее влияние НГС, двусмысленность и непризнание содеянного, необходимые для конкуренции в условиях недостатка мягкой силы, а также проблематичные демографические и экономические условия, применение Россией «умной силы» и маскировки – подходящая национальная стратегия.

Гармонизация сдерживания и силового давления

Путинская гибридизация российского государства началась в тот день, когда тогдашний президент Борис Ельцин назначил его премьер-министром и

Рис. 1
Модулярная
иерархическая
сеть

Источник: Анна-Мария Слотер, «Шахматная доска и компьютерная «паутина»: стратегии связи в переплетенном мире».

дал ему полномочия координировать все силовые структуры. Однако, путинская структура власти не является вертикальной в диктаторском смысле, она, скорее, способная к адаптации конструкция, которую он держит в равновесии, используя свою центральную роль арбитра и координатора меняющихся функций конкурирующих группировок с единоличной властью. Его всеохватывающая цель состоит в защите режима, но при этом цели «хозяйского» конгломерата варьируются. Удовлетворение Путиным разнящихся желаний критических точек пересечения его сети сохраняет внутреннюю стабильность, в то же время давая ему доступ к широкому выбору подготовленных конгломератов субконвенциональных методов для внутреннего и внешнего использования.

Введенные Путиным структурные изменения сдвинули характер российского правления от унитарного государства к гибриднему, добавив ему силу, но в то же время создав уязвимые места, которыми могут воспользоваться соперники. Сильные и слабые стороны путинского гибридного государства проистекают из взаимозависимости точек пересечения в сети – способности отдельных точек добиваться своих целей, создавая важные для сети ценности или эффекты. «Коллективный Путин», в принципе, является бизнес-сетью, созданной на отношениях взаимного доверия, подпитываемой обменом властью, ресурсами и информацией, координируемым *куратором*, который охраняет и управляет связями между различными сетями. Факторы, поддерживающие сплоченность элиты и власть путинских кураторов, также являются и самым уязвимым местом сети, в том смысле, что устранение точек пересечения с высоким количеством связей может повредить или даже разрушить всю сеть. Чтобы использовать уязвимые места путинской сети и, таким образом, формировать представление о российских НГС, необходимо, чтобы Запад принял более наступательную, открытую и динамичную

конструкцию силового воздействия в дополнение к продолжающимся сдерживающим усилиям.

Если цель сдерживания в том, чтобы отговорить противника от совершения нежелательных действий, то Запад, глядя на Россию, должен видеть не зеркальное отражение унитарного государства, а гибридное государство. Сдерживание гибридного государства требует одновременного сдерживания нормативного государства и силового давления на субъектов сети, которые направляют, поддерживают и финансируют сетевые негосударственные образования. Сдерживание ГЭС, таким образом, требует пристального внимания, упорства и тщательного анализа, чтобы составить карту сети, определить ее участников, их отношения и цели, а также возможности, предоставленные появившимися уязвимыми местами. Недостаточное понимание сети неизбежно приведет к неверным действиям, в результате которых разрушение сети будет неполным, и возможности творить зло будут быстро восстановлены. Запад должен косвенным путем отобрать у Путина стратегические варианты, формируя правильное восприятие ключевых участников сети, давая понять, что их интересы, а также вся сеть единоличной власти находятся под угрозой. Для выполнения этой задачи необходимо, чтобы НАТО в корне пересмотрела свое представление о действиях России как унитарного государства и создала свою особую группу сотрудников, что напоминало бы подход «группа, состоящая из групп» генерала Сухопутных войск США Стэнли МакКристалла, благодаря которому было нанесено поражение Аль-Каиде в Ираке, но только на наднациональном уровне.

Эффективно работающая специально созданная группа в реальном времени будет видеть все зловещее влияние России, понимать механизмы перераспределения внутри сети и неформальные отношения между сдерживающими действиями и ответными мерами против точек пересечения сети, таким образом формируя согласованный политический подход к обороне,

Украинские военнослужащие по канатам высаживаются с вертолета Ми-8 во время совместных с США и другими членами НАТО учений «Чистое небо-2018» на базе ВВС «Старокостянтинів» в Западной Украине. Военная готовность – один из способов сдержать агрессию гибридного государства. AFP/GETTY IMAGES

сдерживанию и диалогу. НАТО, страны-члены и их общества уже создали и поддерживают неформальную сеть временных партнерств и организаций, наблюдающих за действиями России. Однако, ни альянс в целом, ни его члены не могут четко обнаружить или до конца понять несмежные угрозы из-за половинчатости принимаемых ответных мер. Специально созданная группа должна представлять собой постоянную международную, межправительственную и межобщественную организацию наподобие американского Национального центра по борьбе с терроризмом или Разведцентра Европейской службы внешних связей. Эта организация должна включать в себя ключевые элементы моделей безопасности и развития, основанные на сотрудничестве. Наиболее четко эти элементы сформулировала Селина Реалуэй: «политическая воля, институты, механизмы доступа к угрозе и принятия контрмер, ресурсы и способы измерения эффективности своих действий». Такая организация могла бы объединить существующую сеть наблюдающих за Россией экспертов в иерархическую структуру под эгидой НАТО и стран, которых она защищает. При таком подходе будут существовать определенные ограничения в плане суверенитета, ведущего агентства и финансирования, но можно подумать и о более рациональных вариантах создания такой комплексной группы.

НАТО уже создает сеть организаций из военной, правоохранительной и академической сфер, а также из сферы гражданской обороны, способных внести вклад в разработку данного подхода. Расширение участия этих групп и четкое обозначение их полномочий поможет привести, в конечном счете, к образованию группы экспертов с большим потенциалом, занимающейся этой конкретной проблемой. Кроме того, НАТО следует задуматься над расширением задач, персонала и возможностей Штаба многонациональных корпусов и дивизий и включить в него больше межведомственных и межправительственных партнеров, чтобы максимально повысить индивидуальный уровень знаний всех участников этой группы, создать механизм более оперативных и синхронизированных ответных действий, независимо от того, будут ли эти действия многосторонними, двусторонними или односторонними. Такие сетевые структуры воплотят в жизнь подход бывшего министра обороны Джеймса Мэттиса к долгосрочному стратегическому соревнованию, описанном в краткой версии «Стратегии национальной обороны США» за 2018 г. Они необходимы для того, чтобы обеспечить «беспрепятственную интеграцию многочисленных элементов государственной власти – дипломатических, информационных, экономических, финансовых, разведывательных, правоохранительных и военных», а также для создания единого пункта взаимодействия академических кругов, неправительственных организаций и промышленных корпораций, отстаивающих интересы, которые поставила под угрозу российская агрессия.

Собельман утверждает, что «в теории, сдерживание

становится эффективным, если потенциальный агрессор, получив убедительное предупреждение об ответных действиях, отказывается от ранее запланированных действий». Несмотря на то, что Запад предпринял некоторые сдерживающие шаги, продолжающаяся российская субконвенциональная деятельность представляет четкие доказательства того, что на Путина и его сеть это сдерживание не действует. В то время как НАТО совершенно правомерно совершенствует свои военные возможности, взаимодействие и стратегическую мобильность, альянс также должен принимать во внимание вывод Собельмана о том, что «военный потенциал не обязательно будет сдерживать соперника, который считает, что он нашел эффективный способ нейтрализовать или вообще избежать его применения». Убедительные военные возможности являются незаменимым компонентом сдерживания, однако, сдерживание России требует наличия специальной сети партнеров, созданной на основе двух ключевых факторов, определенных генералом МакКристалом как «коллективное сознание» и «полномочия на ответные действия».

Формулирование мер эффективного сдерживания и силового принуждения требует понимания сети гибридного государства, внутренней динамики ее решений и интересов ее субъектов. В случае с реваншистской Россией, лучшее понимание этой сети не только поможет Западу разработать механизм сдерживания, но также позволит заглянуть в будущее – в пост-путинскую Россию.

Начальник российского Генерального штаба генерал Валерий Герасимов отметил в 2013 г., что «не имеет значения, какими силами обладает противник, не имеет значения, насколько хорошо могут быть развиты его силы и средства ведения вооруженного конфликта, поскольку всегда можно найти формы и методы их преодоления. У противника будут уязвимые места, а это означает, что существуют адекватные средства противостояния ему». Хотя дебаты относительно того, что именно этим хотел сказать Герасимов, продолжаются, Галеотти отмечает, что нет ничего «концептуально нового в сегодняшней российской практике», поскольку она включает использование всех видов некинетических инструментов для достижения своих целей. У Запада уже есть адекватные средства противостояния незаконным субъектам и незаконным тактическим действиям, что, по сути, представляет собой субконвенциональную агрессию со стороны России, и эти средства уже применяются, хотя между ними отсутствует согласованность, и применяются они, основываясь на непоколебимом постулате о том, что Россия действует как унитарное государство.

В то время как более эффективное конвенциональное сдерживание и комплексные усилия по повышению жизнестойкости НАТО являются незаменимыми компонентами пересмотренной конструкции сдерживания, успешная стратегия альянса должна обязательно включать структурные и организационные изменения, которые бы способствовали повышению уровня

сотрудничества между правительственными учреждениями, а также между военным и гражданским секторами. Создание функциональной сети сотрудничающих органов выявит слабые и уязвимые места в темной сети российских субъектов, способствующей осуществлению злонамеренных действий. Сдерживание гибридного российского государства требует создания конструкции, которая гармонизирует сдерживание унитарного государства и силовое принуждение НГС, сочетая невозможность достичь противником его целей с наказанием за агрессивные действия при одновременном проведении конкретного и убедительного диалога.

Переход на новый менталитет

Традиционные конструкции сдерживания не смогли по существу оценить действия асимметричных субъектов, к услугам которых все чаще прибегают ревизионистские государства. Вызовы, которые бросают относительно слабые, но обладающие разветвленной сетью НГС, продолжают озадачивать западные правительства, а противник, несомненно, совершенствует свои стратегии. Противники Запада из этой ситуации делают три вывода: 1) Запад эффективно инициирует субконвенциональную конкуренцию, но неэффективно реагирует на нее; 2) непосредственным конвенциональным преимуществам Запада можно опосредованно противостоять с использованием субконвенциональных субъектов с присущими им двусмысленностью и непризнанием совершенных действий; и 3) структуры гибридного правления приводят Запад в замешательство при формировании политики ответных действий, что дает противнику возможность блокировать и подрывать западные инициативы.

В результате, эффективная конкуренция и планирование в плотной сетевой обстановке потребует от государств определенной перестройки менталитета и формирования новаторских подходов с тем, чтобы достичь желаемых политических результатов. Как отметил начальник штаба Сухопутных войск США генерал Марк Милли, «Природа войны – применение насилия или угроза его применения как продолжение политики, чтобы вынудить противника что-то сделать ... остается неизменной. Однако, характер войны ... меняется в ответ на уникальные геополитические, социальные, демографические, экономические и технологические события, которые со временем начинают взаимодействовать между собой, зачастую неравномерно». Хотя природа войны остается неизменной, характер субъектов, задействованных в геополитическом состязании, меняется, заставляя Запад сделать функциональным «единый подход международного сообщества» американского адмирала Джеймса Ставридиса для противостояния противнику в лице гибридных государств. Несомненное появление новых субъектов, таких как гибридные государства, делает необходимым пересмотр представления о сдерживании, поскольку нынешнее представление уже может не работать. □

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

на правовом поле

Россия превращает международное и национальное законодательство в оружие

Марк Войгер

Старший преподаватель кафедры российских и восточно-европейских исследований Прибалтийского военного училища

Попытки России проявлять гегемонистские амбиции по отношению к Украине и другим странам «ближнего зарубежья», которые Москва считает регионом своих привилегированных интересов, представляют серьезную угрозу не только безопасности этого региона, но и международному порядку в целом.

В ходе всеобъемлющей кампании гибридной войны против Украины Кремль использует весь арсенал невоенных инструментов (политических, дипломатических, экономических, информационных, кибернетических) и военных методов – обычных, так и завуалированных.

Агрессия России в информационном и киберпространстве настолько очевидна, что эти две гибридные сферы ведения войны в настоящее время приковали к себе основное внимание общественности и аналитических кругов.

Однако, в российском наборе гибридных мер имеется и третий важный компонент – правовая война. Этот компонент имеет огромное значение и в равной степени опасен, но остается недостаточно изученным аналитиками, а для широкой публики вообще остается неизвестным. Учитывая центральную роль, которая отводится правовой войне в российской всеобъемлющей стратегии, соседствующие с Россией государства, страны НАТО и Запад в целом должны выработать более глубокое понимание этой сферы гибридной войны и разработать единую стратегию противостояния этой серьезной угрозе архитектуре европейской безопасности и всему мировому порядку.

Определение правовой войны

Термин «правовая война» впервые был использован отставным генерал-лейтенантом ВВС США Чарльзом Данлапом, в прошлом заместителем Генерального

Судьи, а ныне профессором международного права в Университете Дюка. Его опубликованная в 2009 г. работа «Правовая война: решающий элемент в конфликтах XXI века» определяет правовую войну как «метод ведения войны, при котором право используется как средство достижения военной цели».

В опубликованной в 2017 г. в журнале «Military Review» статье он расширил это определение и включил в него «использование права как формы асимметричной войны». Первоначальные определения сосредотачивались на использовании права для достижения в основном военных целей, что было понятно, учитывая тот факт, что термин «гибридная война» вошел в западный политический лексикон только летом 2014 г., когда он официально был принят странами НАТО.

Учитывая доминирование невоенных средств над военными (не только в смысле асимметричного применения военной силы) в модели войны нового поколения, разработанной российским генералом Валерием Герасимовым и представленной в феврале 2013 г., необходимо пересмотреть и расширить первоначальное определение правовой войны, сделать его всеобъемлющим и поместить в подобающий контекст в качестве основополагающего стержня проводимой Россией гибридной войны. Публикуя в 2016 г. обновленную версию своей первоначальной модели (на основе опыта российских военных в Сирии) в журнале «Военно-промышленный курьер», Герасимов указывает, что «гибридная война требует высокотехнологичных вооружений и научного обоснования». В этой связи основная функция правовой войны России состоит в том, чтобы подкреплять эти усилия, обеспечивая их правовыми основаниями и оправданиями. Термин «правовая война» как таковой в русском языке отсутствует, но принятая в 2014 г. военная доктрина России признает использование правовых средств в качестве невоенных инструментов для защиты интересов страны.

Правовая война России является сферой, которая переплетается с проводимой информационной войной и поддерживает ее, таким образом обеспечивая (квази-) юридическое оправдание российским пропагандистским претензиям и агрессивным действиям. Для внесения большей ясности, правовую сферу российской гибридной войны во всей ее полноте можно понять только путем комплексного анализа пересечения правовых вопросов с различными другими военным и невоенными сферами гибридной войны.

Имперская природа правовой войны России

Россия использует международное право в качестве оружия как минимум с XVIII века. Корни такого типа поведения могут быть обнаружены в истории российского и советского взаимодействия с международной системой национальных государств, известной как «Вестфальский порядок». В различные времена своей истории Россия была либо страной, приглашенной основными европейскими державами в состав этой

группы, либо жертвой вторжения со стороны некоторых из этих держав. В первые столетия своего зарождения Российская империя не относилась к соседним странам как к равным, но принимала участие в их расчленении (Польско-литовское княжество) и разделении Восточной Европы на сферы влияния. Она также регулярно подавляла этнический национализм в пределах своих территорий, одновременно с этим поощряя балканский национализм и используя в своих интересах этнические и религиозные разногласия внутри Османской империи на протяжении XVIII и XIX веков. Международное право было ключевым обоснованием экспансионистских устремлений России, поскольку она утверждала, что Кучук-Кайнарджийский договор 1774 г. с Османской империей дал ей права дипломатического и военного вмешательства на Балканах в качестве единственного защитника православных христиан.

Основываясь на этом факте, 1774 г. следует считать годом рождения правовой войны России. Этот метод оправдания имперского экспансионизма процветал и в советский период, когда Советский Союз разделял государства, присоединял территории и предпринимал открытые агрессии и скрытые операции просачивания через национальные границы во имя защиты и освобождения рабочих других стран, а на самом деле во имя навязывания своей доктрины ограниченного суверенитета странам-сателлитам.

Это искаженное и вольное толкование истории ради оправдания российских актов агрессии против соседних стран как до, так и после их совершения, было законодательно закреплено 24 июля 2018 г., когда российская Дума приняла закон, официально признающий 19 апреля 1783 г. днем «присоединения» Крыма к Российской империи. Манифест Екатерины Великой, провозглашающий присоединение Крыма, является дипломатическим документом, который на протяжении последующих веков имел последствия далеко за пределами российских границ и вновь обрел актуальность в стратегии современной России. Уникальность этого документа также в том, что в нем императрица Екатерина Вторая задействовала аргументы из всех тех областей, которые мы сегодня называем гибридной войной – политической, дипломатической, правовой, информационной, общественно-культурной, экономической, инфраструктурной, разведывательной и военной (как явной, так и скрытой) – для того, чтобы убедить другие европейские великие державы, используя стратегические коммуникации XVIII века, в том, что Россия была вынуждена выступить на защиту местного населения Крыма.

В этой связи 19 апреля 1783 г. может рассматриваться как официальная дата рождения российской гибридной войны в ее всеобъемлющей, хотя и первоначальной, форме, которую позже обогатили советские традиции секретных операций, политического противостояния и квази-юридических оправданий территориального экспансионизма.

СФЕРЫ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ	ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ			
	Правовая теория	Обычное международное право	Гуманитарное право	Конституционное право
Политическая	В стране, выбранной в качестве мишени, поддерживать этническое самоопределение, а не государственный суверенитет.	Подчеркивать изменчивость норм международного права, отрицать их незыблемость.	Утверждать, что Россия «несет ответственность за защиту» своих соотечественников в «ближнем зарубежье».	Отстаивать приоритет российской конституции перед международным правом.
Дипломатическая	Подчеркивать право России на «сферы интересов», размывать границы между войной и миром.	Признание нелегитимными правительств соседних государств, чтобы оправдать российский захват и присоединение территорий.	Создать новые этнические реалии путем выдачи российских паспортов в других странах.	Заявлять, что передача Крыма Украине противоречила советской конституции.
Социально-культурная	Использовать историю для правого обоснования интервенций и аннексии.	Заявлять о доминировании российских «культурных ценностей» над индивидуальными правами человека.	Предоставлять российское гражданство на основании исторических факторов.	Ликвидировать институты этнических меньшинств; обвинить их в пропаганде сепаратизма.
Информационная	Заявлять о статусе России как законной преемницы Советского Союза, когда это выгодно.	Представлять существующий международный порядок как выгодный Западу и несправедливый по отношению к России.	Заявлять, что этническое российское меньшинство притесняется и ему отказано в праве на использование родного языка.	Утверждать, что в соответствии с советскими законами распад Советского Союза был «неконституционным».
Экономическая/финансовая	Создать юридическую основу для доминирования в евро-азиатской экономической интеграции.	Конфисковать иностранное имущество в качестве компенсации за российское имущество, замороженное западными странами.	Использовать поток мигрантов в ЕС для оказания на него давления.	В военное время подчинить экономические субъекты государственным интересам.
Энергетическая/инфраструктурная	Заявлять о российском государственном суверенитете над энергоресурсами.	Противостоять западным санкциям в отношении энергетической инфраструктуры России.	Разрушать энергетическую инфраструктуру для оправдания отправки колонн с гуманитарной помощью.	Дать российской Национальной гвардии право защищать инфраструктуру.
Кибернетическая	Заявлять о российском государственном суверенитете над киберпространством.	Противостоять американским санкциям, введенным за вмешательство в выборы в США.	Мешать работе западных гуманитарных организаций.	Подвергнуть кибератакам западную избирательную систему.
Разведывательная	Определить западные правовые концепции как инородные и подрывающие интересы России.	Противостоять западным санкциям в ответ на применение химического оружия в Великобритании.	Собирать разведанные во время кампаний по примирению.	Юридически закрепить приоритет российских служб безопасности перед правами граждан.
Военная	Заявлять о праве России на упреждающие действия за границей.	Отстаивать право на проведение военных учений в пределах российских границ.	Усложнять жизнь гражданскому населению с целью вызвать гуманитарный кризис.	Определить вооруженные силы России как опору внутреннего порядка в стране.

Стоит отметить, что в тексте закона 2018 г. используется слово «принять», а не «присоединить» или «вести в состав». Авторы документа выразили убежденность в том, что установление этой новой памятной даты подтверждает то, что Крым и г. Севастополь все время были частью российского государства. Этот правовой аргумент противоречит тому факту, что в территориальном аспекте сегодняшняя Российская Федерация является преемницей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) как составной части Советского Союза, а не Российской империи, и что в состав РСФСР Крым входил только с 1922 г. по 1954 г.

После распада Советского Союза использование правовой войны позволило России оправдать вмешательство в дела Молдовы (что сделало возможным создание сепаратистского Приднестровья) в 1992 г., вторжение в 2008 г. в Грузию и в 2014 г. в Украину и присоединение Крыма, не говоря уже о российском вмешательстве в Сирии в 2016 г., поскольку все эти действия были представлены как необходимые гуманитарные миротворческие усилия. Во всех этих случаях Россия заявляла, что дружески настроенное местное население или правительства обратились за помощью, и Россия была вынуждена ответить на эту просьбу и взять население под свою «защиту», таким образом беря под свой контроль их этнические территории и внутреннюю политику.

Успешное применение инструмента правовой войны представляет в будущем серьезную угрозу всем соседям России, поскольку оно юридически закрепляет квази-правовое оправдание российских «миротворческих операций», более не требующих для вторжения ничего, кроме наличия на этих территориях этнических русских или русскоговорящего населения. Теперь этот инструмент может использоваться для «защиты» любого населения, объявленного как дружески настроенным к России, независимо от его этнической принадлежности.

Все эти примеры четко демонстрируют, как Россия для реализации своих планов гибридной экспансии пытается объединить международное и национальное законодательство с расплывчатыми и спорными с точки зрения истории и культуры категориями. Хотя это не более чем тщательно сфабрикованные предлоги для российской агрессии, то обстоятельство, что они де-факто были приняты, реально дает России возможность и дальше продолжать использовать их против государств, выбранных в качестве мишени.

Правовая война XXI века

Международное право в сфере конфликтов между государствами в ходе своей эволюции выработало нормы, которые предотвращают войну посредством переговоров и соглашений, регулируют право начать войну и вступать в боевые действия и нормализуют послевоенные отношения путем прекращения огня, заключения перемирия и подписания мирных договоров. Международное право в его современной интерпретации не позволяет санкционировать и оправдывать

вторжение и аннексию территорий, что в настоящее время делает Россия в своих действиях против Украины.

Основная системная проблема, представляемая развязанной Россией правовой войной, состоит в том, что в обычном международном праве не существует незыблемых норм, поскольку оно также основывается на практических действиях государств и, таким образом, во многом отражает то, чего хотят добиться государства. Этот изменчивый и толковательный аспект международного права активно и с максимальной креативностью используется Россией при выдвижении многочисленных территориальных, политических, экономических и гуманитарных претензий к Украине, а также при нападениях на региональных соседей, которые, по мнению России, входят в ее постсоветскую сферу влияния. На сегодняшний день существующая международная система, основанная на договорах и международных институтах, не смогла защитить Украину от агрессивного возрождения российской гегемонии. Украина подала жалобу против России в Международный Суд на том основании, что действия России в Донбассе и Крыму поддерживают терроризм и являются расовой дискриминацией, но она не смогла привлечь Россию к ответу за фундаментальные проблемы незаконной оккупации и аннексии Крыма и вторжение в Донбасс.

Хотя Россия не контролирует полностью международно-правовую систему и, таким образом, не в состоянии изменять правила де-юре, она совершенно очевидно пытается размыть многие фундаментальные принципы этой системы де-факто. Основным из этих принципов является нерушимость национальных границ европейских государств, которая была закреплена после второй мировой войны, юридически оформлена в Хельсинки в 1975 г. и признана странами, включая Российскую Федерацию, после окончания «холодной войны». Еще одним юридическим принципом, которому российская правовая война бросает серьезный вызов, является *pacta sunt servanda* – обязательство страны соблюдать условия подписанных ею международных договоров. Хотя на словах российское руководство постоянно выступает в поддержку этого принципа, оно все время обвиняет других участников международных договоров и соглашений (США, Украину) в нарушениях и несоблюдении их требований. Еще одним фундаментальным принципом, который подрывают действия России, является краеугольное положение существующей Вестфальской международной системы о полном внутреннем и международном суверенитете национальных государств. Еще больше усугубляет ситуацию то, что Россия использует общепризнанное право на самоопределение для подрыва единства Украины, поднимая статус этнически русских и русскоговорящих граждан Украины в Крыму, Донбассе и в других регионах до статуса отдельных «народов».

В зависимости от специфических целей в конкретный отрезок времени, правовая война России может носить как стратегический, так и тактический характер. Отдельными примерами с момента начала российской

агрессии против Украины могут служить составление проекта дополнения к закону о включении территорий в состав Российской Федерации, который бы позволил России на законных основаниях включить в свой состав регионы соседних государств после проведения там контролируемых и управляемых референдумов. Этот конкретный проект закона убрали с повестки дня Думы 20 марта 2014 г. по просьбе его авторов после проведения 16 марта 2014 г. референдума в Крыму. Тем не менее, тот факт, что этот законопроект был представлен в Думу в пятницу 28 февраля 2014 г., всего лишь за день до того, как «зеленые человечки» – военнослужащие в масках, зеленой военной форме без знаков различия и с современным российским оружием – появились в Крыму и впоследствии оккупировали его, указывает на высокий уровень координации между военными и невоенными компонентами российской гибридной войны, особенно такими как правовая и информационная война.

Правовой «штурм» продолжился в апреле 2014 г., когда был представлен законопроект, нацеленный, в основном, против украинцев, предлагавший давать российское гражданство на основании места жительства еще во времена Советского Союза и Российской империи. Аннексия Крыма и вторжение в Восточную Украину весной 2014 г. позволили России расширить еще одну практику подрывных действий – выдачу российских паспортов для увеличения численности российских граждан в соседних странах (известную как «паспортизация»). Этот прием правовой войны был применен против Грузии, чтобы представить российскую оккупацию и насильственное отделение грузинских регионов Абхазии и Южной Осетии как законные действия в ответ на пожелания местных «российских граждан» в сочетании с недавно пересмотренным правом России «нести ответственность за защиту». Масштабы применения и определение этого конкретного права оказались очень гибкими, поскольку оно было объявлено в доктрине Медведева в 2008 г. Первоначальное намерение защищать российских граждан за границей позднее было расширено и включило

защиту этнических русских в Крыму, а затем и русскоговорящего населения в Восточной Украине в 2014 г.

Затем в июне 2014 г. российский президент Владимир Путин разработал концепцию «Русского мира» – наднациональной среды, состоящей из жителей за пределами России, которые связаны с ней не только правовыми или этническими узами, но также и культурными. Таким образом, Россия заявила о своем праве связывать с российской культурой в самом широком смысле (например, с русской поэзией) любую категорию людей, что будет давать им законное право на защиту со стороны российского государства, которое будет пониматься как российское военное присутствие.

Что касается военной сферы, то использование лазеек в существующем механизме верификации, созданном в 2011 г. Венским документом, принятым Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), оказалось особенно выгодным для России. Эти же лазейки делали натовский механизм сдерживания России малоэффективным. Наиболее одиозным приемом в правовой войне, применяемым Россией с 2014 г., являются проверки боеготовности войск без предварительного уведомления (внезапные военные учения) с участием десятков тысяч российских военнослужащих. Такая военная деятельность идет вразрез с Венским документом и противоречит его духу и намерениям повысить прозрачность и снизить напряженность в Европе. Парадокс состоит в том, что это стало возможным благодаря лазейке, содержащейся в Положении 41, которое гласит: «Уведомляемая военная деятельность, проводимая без предварительного оповещения участвующих войск, является исключением из положения о предварительном уведомлении за 42 дня».

В этом случае российская модель поведения заключается в том, чтобы утром в день начала учений главное новостное агентство России сделало заявление о том, что президент Путин ранним утром дал министру обороны Сергею Шойгу приказ о приведении российских войск в полную боевую готовность. Это простой, но эффективный прием сочетания правовой и информационной войны. Россия также обходит требования приглашать наблюдателей на крупные военные учения, указывая цифру ниже, чем 13 тыс. военнослужащих, при которой уже требуется приглашение наблюдателей (цифра, которую Россия дает ОБСЕ, всегда почему-то в районе 12 тыс. 700 военнослужащих). Также используется ссылка на Положение 58, оговаривающее, что государства-участники не обязаны приглашать наблюдателей на уведомляемую военную деятельность, которая проводится без предварительного оповещения участвующих войск, если только эта уведомляемая деятельность не превышает 72 часов. В этих случаях Россия просто разбивает крупные учения на отдельные более мелкие с меньшей продолжительностью.

Россия также давно уже использует международное право посредством участия в организациях, например, в ООН и ОБСЕ, для многочисленных целей, таких как

использование права вето для блокирования нежелательных резолюций ООН, обеспечения международной поддержки своих действий или представления себя в роли фактора стабильности и миротворца в Украине и на Ближнем Востоке. По некоторым сообщениям, Россия также использует эти структуры для операций оказания влияния или сбора разведывательной информации. Например, наличие российских наблюдателей в составе ОБСЕ позволяет собирать данные о расположении украинских военных на Донбассе.

Есть и другие примеры – попытка Россия в 2014 г. использовать Совет Безопасности ООН для санкционирования открытия т.н. «гуманитарного коридора» в Донбассе, представляя Косово и Ливию как юридические прецеденты для действий России; осуждение российскими судами высокопоставленных украинских чиновников в их отсутствие; многочисленные российские утверждения о том, что действия украинских властей привели к гуманитарной катастрофе в Донбассе, что являлось попыткой оправдать неприкрытое размещение российских войск под видом «миротворцев».

Уязвимые районы и районы соответствующих ответных Действий, остающиеся уязвимыми перед лицом российской правовой войны, в основном находятся в Украине и Донбассе, но также и в местах т.н. замороженных конфликтов – в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Многочисленные повествования о развитии событий в этих регионах переплетаются и часто взаимоисключают друг друга; они основаны на сложных общественно-культурных реалиях и дают плодородную почву для российского присутствия и вмешательства под квази-юридическим предлогом принятия стабилизирующих мер.

Украина также признает силу исторических пропагандистских стереотипов в качестве инструмента противостояния в правовой войне. По данным опроса общественного мнения, проведенного в Украине в августе 2018 г. социологической группой «Рейтинг», более 70% украинцев считают, что именно Украина, а не Россия, является правопреемницей Киевской Руси. Украинское государство должно извлечь максимум из таких общественных настроений и разработать четкую стратегию, нацеленную на внутреннюю и международную аудиторию для того, чтобы противостоять российским злостным искажениям украинской истории с целью дезинформации и экспансионизма, поддерживаемого правовой войной.

Подобные культурологические претензии использовались Россией в качестве предлога для оказания давления даже на своих традиционных союзников, таких как Беларусь. В российской военной доктрине 2014 г. эта страна называется «Белоруссия», как она называлась во времена Российской империи и Советского Союза, и российские военные стараются расширить свое присутствие в Беларуси, запрашивая разрешение на создание дополнительных баз на территории этой

страны. Большинство белорусов используют русский язык для повседневного общения и коммуникаций. В эпоху российской гибридной войны, когда культура используется для создания якобы законных предлогов для вмешательства, руководство Беларуси осознало эту совершенно реальную угрозу и предпринимает шаги для повышения культурного самосознания населения и распространения использования родного языка.

Неразрешенные пограничные споры с Россией также представляют потенциальную угрозу, поскольку Россия может их использовать для проникновения на территорию НАТО или для заявлений о том, что войска НАТО находятся слишком близко к российской территории и создают провокационную ситуацию. Россия использует пограничные переговоры как инструмент оказания давления на своих соседей, особенно на Эстонию. После двух с лишним десятилетий переговоров российская Дума объявила о том, что ратифицирует двустороннее соглашение 18 февраля 2014 г., менее чем за две недели до проникновения и оккупации Крыма российскими войсками. Скорее всего, это может расцениваться как попытка России обезопасить свои западные границы с НАТО до начала операции в Украине. Вопрос о российско-эстонской границе вновь был поднят летом 2018 г., когда Россия отказалась от своего обязательства ратифицировать договор, объясняя это «антироссийскими» настроениями в Эстонии.

Естественно, у России нет единоличного контроля в сфере международного права, и меч может оказаться обоюдоострым, если мишени в российской правовой войне, особенно прибалтийские страны и Украина, решат проактивно использовать право для собственной защиты. Недавнее совместное заявление министров юстиции Эстонии и Латвии о том, что они изучают правовые возможности потребовать от России – правопреемницы Советского Союза – компенсации за ущерб, причиненный советской оккупацией, является своевременным примером того, как этот международно признанный законный статус России может быть использован для выдвижения встречных претензий.

В таких регионах как Арктика и Крайний Север, помимо исторической и культурной сфер, российская правовая война привлекла и умело использовала область науки, в частности, геологию, химию и океанографию. Российская военная доктрина 2014 г. четко указывает на «обеспечение российских национальных интересов в Арктике» в качестве одной из основных задач российских вооруженных сил в мирное время. После ратификации в 1997 г. Конвенции ООН по морскому праву, Россия начала использовать лазейку, содержащуюся в Статье 76, для того, чтобы настаивать на расширении исключительной экономической зоны с 200 до 350 морских миль, основываясь на заявлении о том, что Хребет Ломоносова, который тянется на 1 тыс. 800 километров под Северным Ледовитым океаном, является естественным продолжением российского континентального шельфа. Правовые и научные дебаты вокруг геологического определения и

химического состава этого шельфа могут иметь весьма существенные последствия. Если российская претензия будет удовлетворена, то, как отмечает Эрик Ханнес в статье, опубликованной в «U.S. News and World Report» в марте 2017 г., это добавит к пространству в Арктике под российским суверенитетом 1,2 млн. квадратных километров территории с огромными залежами углеводородного сырья. Ожидая, пока ООН вынесет юридическое постановление по этому делу, Россия постепенно расширяет свое военное присутствие в районе Арктики, недвусмысленно пытаясь объединить правовые и силовые аргументы в своем продолжающемся стремлении доминировать в этом стратегическом регионе по мере того, как эффект глобального потепления открывает новые пути для судоходства.

Отслеживая правовую войну России

Правовая война дает России многочисленные преимущества. Пока что этот вид войны остается гораздо менее заметным по сравнению с операциями России в информационном и кибернетическом пространстве. Она успешно использует лазейки в международно-правовых режимах, использует дипломатические переговоры в качестве способа затягивания решения вопросов и может вызывать разногласия и смятение в рядах союзников, используя двусмысленности, содержащиеся в некоторых правовых документах. С другой стороны, наблюдая за моделями превращения Россией права в своеобразный вид оружия и один из элементов своей гибридной стратегии против других государств, таких как Украина, Грузия и Молдова, НАТО может заранее распознавать признаки подобных действий по отношению к другим странам, соседствующим с Россией, особенно по отношению к прибалтийским членам альянса. Главная польза от отслеживания и анализа российских правовых маневров состоит в том, что акты правовой войны, по определению, не могут носить совершенно секретный характер. Они в первую очередь предназначены для того, чтобы оправдывать действия России на международной арене, и поэтому их надо использовать открыто – либо в виде правовой претензии России, либо в виде нового закона, принятого российским парламентом, либо в виде указа, подписанного российским президентом, либо в виде иностранной просьбы о размещении российских войск, одобренной Советом Федерации.

Хотя эта открытость может показаться парадоксальной для такого общества как российское, где обстановка секретности и заговора традиционно заменяла участие общественности в принятии политических решений, в том, что касается правовой подготовки поля сражения, секретные законы не могут помочь российскому руководству в отстаивании своих агрессивных действий на международной арене или в мобилизации поддержки внутри страны. Кроме того, поскольку подготовка этих в высшей степени креативных правовых интерпретаций и проталкивание законопроектов через парламент

требуют определенных процессуальных усилий, если распознать этот процесс на ранней стадии, можно заранее определить направление будущих российских политических и военных действий как внутри России, так и за ее пределами. Чтобы этого достичь, западные аналитики должны признать правовую войну в качестве одной из сфер ведения Россией гибридной войны, а также отслеживать и анализировать на постоянной основе все действия России в правовой сфере. Превращение модели национальной мощи ДИВЭ (дипломатическая, информационная, военная и экономическая) в ДИВЭФРП путем добавления финансового, разведывательного и правового компонентов является, несомненно, шагом в верном направлении, однако «П» следует также добавить и к аббревиатуре аналитической основы ПВЭСИИ (политическая, военная, экономическая, информационная и инфраструктурная), которая описывает последствия комплексной подготовки обстановки/поля боя посредством действий в сферах ДИВЭФРП.

Естественно, защита от правовой войны России не является задачей исключительно аналитиков. Всеобъемлющая стратегия по противодействию ее инструментам и последствиям может быть разработана и успешно применена только совместными усилиями политических и военных руководителей, юристов и ученых из академической сферы и институтов, которые они представляют в различных сферах и смежных областях. Для этого будет необходимо делать постоянный и жесткий упор на соблюдение и укрепление императивных норм международного права на всех уровнях – от уровня ООН посредством системы международных судов до кафедр правоведения в различных университетах. Политическое руководство и медийные организации НАТО и стран-партнеров должны постоянно проявлять инициативу (совместно с экспертами в сфере противодействия российской информационной войне) и разоблачать скрытые мотивы и агрессивные цели российских «миротворческих» кампаний; давать решительный отпор заявлениям России о ее «ответственности по защите» населения в тех сферах интересов, которые она сама себе определила; непрестанно искать возможности ликвидировать существующие лазейки в международных соглашениях, которые использует в своих интересах Россия; и взять за правило рассматривать переговоры с Россией как многомерную партию в шахматы, которая требует постоянного понимания того, что шаги России просчитаны на много ходов вперед и охватывают все сферы.

Сеть защитных мер в правовой войне

Принимая во внимание то, что правовая война является чрезвычайно важным компонентом в стратегиях гибридной войны России против Украины и Запада, ответ на нее по своей природе должен быть всеохватывающим и комплексным. Это потребует создания целой сети программ изучения правовой войны (сети защитных мер в правовой войне) на базе различных

университетов и «мозговых трестов» – прежде всего в Украине, но также и по всей Восточной, Центральной и Южной Европе, в таких странах как Эстония, Латвия, Чехия, Сербия и Грузия, а также в США и Великобритании. Конечной целью этой сети должно стать зарождение интереса и поддержки со стороны законодателей, политического руководства и общественности в странах-членах НАТО и ЕС, которое приведет к созданию Центра мастерства по вопросам правовой войны, наподобие центров, которые занимаются вопросами стратегических коммуникаций (в Риге, Латвия), киберобороны (в Таллине, Эстония) и энергетической безопасности

(в Вильнюсе, Литва). Такой центр может базироваться в стране-члене НАТО или Европейского Союза или в стране-кандидате, например, Украине.

Независимо от местонахождения такого центра, Украина и прибалтийские страны должны быть на переднем крае этой инициативы с моральной точки зрения, учитывая то, что они были главными мишенями правовой войны России на протяжении столетий, а с практической точки зрения, эти страны должны выполнять основной объем исследовательской и аналитической работы, связанной с непрекращающейся правовой войной, развязанной Россией. Когда эти программы будут созданы и начнут функционировать в различных «мозговых трестах» и университетах, тогда они смогут сосредоточиться на проблемах, которые представляет правовая война для каждой конкретной страны для того, чтобы более эффективно использовать национальные ресурсы. Затем будущий Центр мастерства по вопросам правовой войны будет собирать воедино и анализировать вклады всех стран и выдавать практические и реалистичные рекомендации правительствам этих стран и НАТО.

Заключение

Продолжающаяся эволюция российской правовой войны свидетельствует об изоэщенности России в вопросах передергивания и альтернативного толкования норм международного права ради достижения своих стратегических целей. Хотя Россия на словах и проявляет показное уважение к международному праву, она, несомненно, склонна к ревизионистскому подходу к международно-правовым нормам, основываясь на концепции сфер влияния великих держав и

Рисунок 2: Пересечение областей права с аналитической основой ПВЭСИИ* Источник: Марк Войгер

*Политическая, военная, экономическая, социальная, инфраструктурная и информационная системы

самопровозглашенном праве на вмешательство, которые бросают вызов основам структуры безопасности в Европе и за ее пределами.

Если в своей правовой войне Россия не будет ощущать сопротивления, то чувство безнаказанности приведет к тому, что она будет продолжать применять эти методы для оправдания своей экспансионистской и интервенционистской политики во всех областях, которые она будет считать сферами своих законных интересов. Как неизбежное следствие, другие великие и региональные державы уже последовали примеру России и используют инструменты правовой войны для предъявления претензий по поводу спорных территорий (Китай) или оправдания своего присутствия в конфликтных регионах (Иран). Особенно уязвимыми к инструментам правовой войны являются Ближний Восток, Африка и Азия, учитывая спорный и даже произвольный характер определения межгосударственных границ в этих регионах. И даже некоторые страны НАТО могут стать мишенями правовой войны России, особенно те, в которых имеется довольно большое количество русскоязычного населения или нерешенные пограничные вопросы с Россией. Использование Россией правовой войны в качестве основной сферы в ее комплексной стратегии гибридной войны бросает структурный вызов стабильности международной системы безопасности и основам мирового правопорядка. Таким образом, для успешного противостояния в этой войне необходим сплоченный ответ Запада. □

Эта статья представляет собой выдержки из публикации Прибалтийского военного училища «Семидесятилетие НАТО и прибалтийские страны: укрепление Евroatлантического альянса в эпоху нелинейных угроз».

ТЕНЕВЫЕ
ВОЙНЫ

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В ЗАКОННОЙ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ «СЕРОЙ ЗОНЕ»

Лейтенант Дуглас Кантвелл, корпус военных юристов ВМФ США

Как гласит поговорка, лучший способ сварить лягушку – это увеличивать огонь так медленно, чтобы лягушка не поняла, что её варят. Если злоумышленники сначала взломают программное обеспечение кухонной плиты, откажутся признать свои действия, затем обрушат на прохожих потоки фейковых новостей, а после этого захватят и отберут у вас кухню, то у вас будет готовая аналогия ведения гибридной войны.

У гибридной войны нет единого общепризнанного определения; альтернативными названиями могут быть нелинейная война, активные меры или конфликт «в серой зоне». Говоря абстрактно, государство, начавшее гибридную войну, вносит нестабильность во внутренние дела другого государства, делая приоритетом некинетические военные средства, такие как кибератаки и операции влияния в сочетании с экономическим давлением, поддержкой местных оппозиционных групп, дезинформацией и преступной деятельностью. Может также применяться скрытое размещение войск в форме без знаков отличия или военнослужащих, не входящих в регулярные войска, но все равно главный упор в гибридной войне делается на кибервозможности и посредников из числа негосударственных субъектов. Стратегические выгоды гибридной войны в том, что участие государства-агрессора трудно доказать. Любое отрицание, даже не очень бурное, участия в нападении может задержать или расколоть ответные действия, которые в противном случае имели бы решительный, а иногда и силовой, международный характер.

За последнее десятилетие гибридная война наиболее часто ассоциируется с российской агрессивной внешней политикой. Принятие Россией концепции гибридной войны связывают с именем начальника Генерального штаба российских вооруженных сил Валерия Герасимова. В 2013 г. Герасимов изложил свой взгляд

на гибридную войну как на асимметричный ответ на распространение либеральной демократии в глобализованном мире, хотя в российских документах, включая работы Герасимова, использовался не термин «гибридная война», а «нелинейная» война или «война нового поколения». Это напоминает концепцию Карла Клаузевица, гласящую, что война есть продолжение политики иными средствами. Герасимов отмечал, что «роль нелинейных средств в достижении политических и стратегических целей возросла, и во многих случаях по своей эффективности их сила даже превосходила силу оружия». Следовательно, он защищал «широкое использование политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных средств, которые будут применяться совместно с учетом протестного потенциала населения ... и будут подкрепляться военными средствами скрытого характера».

На снимке, сделанном ВМФ США, изображен российский истребитель Су-24, пролетающий очень низко и слишком близко к американскому эсминцу с управляемыми ракетами «Дональд Кук» в Балтийском море в апреле 2016 г. Два российских боевых самолета пролетели так близко к эсминцу, что это, по словам одного американского должностного лица, можно квалифицировать как агрессивные действия. РЕЙТЕР

У наблюдателей могут быть разногласия относительно того, какие случаи следует классифицировать как гибридную войну. Вторжение России в Грузию в 2008 г. и фактическая аннексия Абхазии и Южной Осетии, ее действия по захвату и аннексии Крыма в 2014 г. и ее размещение «зеленых человечков», что привело к объявлению Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в Восточной Украине, представляют собой четкие примеры российской гибридной войны в классическом виде. Гибридная война, однако, совсем не обязательно должна завершаться присоединением территории. Кампания дезинформации, разжигающая антиправительственные выступления, за которой последовала кибератака,

Начальник Генерального штаба российских вооруженных сил Валерий Герасимов, который, как считается, является инициатором российской стратегии гибридной войны, сидит рядом с российским президентом Владимиром Путиным во время визита в Национальный центр управления обороной в Москве для наблюдения за испытанием новой российской сверхзвуковой ракеты в декабре 2018 г. РЕЙТЕР

выведшая из строя компьютерную инфраструктуру Эстонии в 2007 г., тщательная подготовка попытки переворота в Македонии в 2016 г. и в Черногории в 2017 г., поддержка правых политических партий во Франции и Германии и вмешательство в выборы в США в 2016 г. подходят под описание гибридной войны, которое дал Герасимов. Гибридная война не является простым набором изолированных случаев или набором технических приемов – это генеральная стратегия, направленная на дестабилизацию существующего либерального порядка, и именно как таковую ее и следует рассматривать.

В концептуальном плане, когда гибридную войну стали называть чем-то новым в международных отношениях, то это вызвало критические замечания. Все страны предпринимают какие-то скрытые действия, а невоенные меры представляют собой важные инструменты дипломатических усилий. Кроме того, гибридная война напоминает операции, проводимые обоими блоками на пике «холодной войны», а также многими современными государствами и сегодня, называя эти операции «войной с использованием нерегулярных вооруженных

формирований». Поэтому критики задались вопросом – если отбросить появление кибервозможностей и само необычное название этой войны, то есть действительно что-то новое в гибридной войне? Государства на «линии фронта», стоящие пред лицом гибридной угрозы со стороны России, отвечают на этот вопрос утвердительно и используют свое стратегическое мышление, чтобы понять, как наиболее эффективно противостоять приемам гибридной войны. В апреле 2017 г. группа из 11 членов НАТО и Европейского Союза подписала в Финляндии совместный меморандум о взаимопонимании, в котором приняли решение о создании в Хельсинки Европейского центра мастерства по борьбе с гибридными угрозами. Центр, открывшийся в октябре 2017 г., занимается стратегическим диалогом, исследовательской работой, обучением и консультациями, в ходе которых выявляются места, уязвимые для гибридных нападений, и повышается жизнестойкость против гибридных угроз.

Гибридная война и международное право

Понимание того, как международное право, регулирующее применение силы, относится к гибридной войне, является ключевым элементом в противостоянии гибридным угрозам. Гибридные средства применяются с возрастающим успехом и подрывают находящиеся под международной защитой территориальную целостность и политическую независимость государств. В первую очередь рассмотрим запрет на ведение агрессивных войн. Гибридная война создала новый носитель агрессии, названной Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г. «высшим международным преступлением». Агрессия была поставлена вне закона Пактом Брианда-Келлогга, военными трибуналами в Нюрнберге и в Токио, запрещена Уставом ООН, и этот запрет был подтвержден принятой в Кампале поправкой к Римскому статуту Международного уголовного суда. Таким образом, все страны почти единогласно приняли принцип, гласящий, что агрессия является нарушением международного права.

Трения начинаются при попытках дать определение агрессии и обеспечить запрет на ее применение в конкретных случаях. Хотя передача формулировки преступной агрессии Международному уголовному суду и является определенным прогрессом, но все же не таким уж и большим. После Нюрнбергского процесса не было ни одного случая наказания страны за совершенную агрессию. Государства по-прежнему не соглашаются с предлагаемыми определениями агрессии, а крупные государства, которые не подписали Римский статут – включая США, Индию, Китай и Россию – не согласились с конкретным определением, законодательно закрепленным в поправках. Тем не менее, государства, как в одностороннем, так и в многостороннем порядке, противостоят агрессии. Создание международной коалиции с целью изгнать войска Саддама Хусейна из Кувейта в 1990-1991 гг. представляет собой самый

Латвийский пограничник стоит на посту на границе с Россией возле поселка Пасиене на востоке Латвии. Большой процент населения Латвии составляют этнические русские, на которых нацелена российская дезинформационная война. AFP/GETTY IMAGES

знаменательный пример проявления коллективной воли силовым путем противостоять агрессии. Однако, современные случаи агрессии очень редко имеют форму танковых блицкригов и одетых в форму солдат, пересекающих международную границу, чтобы захватить столицу соседнего государства. На очень немногие агрессии последовала такая быстрая силовая реакция как операции «Щит пустыни» и «Буря в пустыне». В тех случаях, когда акт агрессии сразу не настолько очевиден или когда по статусу жертвы или агрессора силовой ответ не рекомендуется, применяются несиловые меры, такие как экономические санкции, осуждающие дипломатические ноты, или устное порицание. Именно такая была реакция на действия России в Грузии, а позже в Крыму и Восточной Украине. Было широкое международное осуждение российской двуличной поддержки общего запрета на агрессию. Международный ответ не привел к передаче оккупированных Россией территорий обратно Грузии и Украине. Это были одни из очень немногих случаев после 1945 г., когда государство силой перекроило границы и не просто оккупировало, но и аннексировало чужую территорию. Таким образом, очень важно поместить меры гибридной войны в существующие законодательные рамки, которые агрессоры стремятся обойти.

Устав ООН запрещает агрессию путем запрета на применение силы без законных оснований. Статья 2(4) гарантирует право государств быть свободными от применения силы или угрозы применения силы против их территориальной целостности и политической независимости. Запрещенное использование силы предполагает такой уровень вооруженного нападения (хотя и необязательно, чтобы этот уровень был достигнут), при котором оправдана самооборона в соответствии со Статьей 51 Устава ООН (а также положением о коллективной обороне, содержащимся в Статье 5 Вашингтонского договора от 1949 г. о создании НАТО).

Незаконное использование силы, нарушающее Статью 2(4), обычно требует вовлечения сил в

военные действия, независимо от того, являются ли они регулярными вооруженными силами в традиционном понимании или же негосударственными военными группировками, как определено постановлениями Международного суда, включая решение от 1986 г. в отношении действий США в Никарагуа и решения 2005 г. в отношении действий Уганды в Демократической Республике Конго. Эти правовые рамки доказали свою способность реагировать на изменения в средствах, используемых государствами для развязывания войн. Например, в случае с кибероперациями «Таллинский учебник», трактат о применении существующего международного права к киберпространству, составленный международной группой экспертов, подтверждает, что кибероперации могут считаться незаконным использованием силы, если они связаны с вооруженными силами государства или если их последствия сравнимы с последствиями традиционных обычных операций. Таким образом, в теории, содержащийся в Уставе ООН запрет на использование силы можно применить к гибридным угрозам, когда они напоминают традиционные военные действия – например, когда войска в форме без знаков различия совершают враждебные действия, а также тогда, когда государство использует кибервозможности в кампании гибридной войны для того, чтобы разрушить или вывести из строя объекты инфраструктуры, и эти разрушения будут такими же, как от применения бомб и пуль.

На практике же гибридные меры как раз и разработаны для того, чтобы избегать обвинений в нарушении Устава ООН, даже если они и представляют собой незаконное использование силы. Это достигается разными путями, и один из них – упор на скрытые операции. Государства уже давно проводят скрытые операции, которые, возможно, нарушают Статью 2(4), запрещающую интервенцию, на что указывает Александра Перина в статье в «Columbia Journal of Transnational Law», опубликованной в 2015 г.

Хотя причины совершения скрытых действий варьируются и часто носят смешанный характер, использование силы может произойти скрытно, хотя бы частично соблюдая международное право. Публичные отрицания собственных действий ограничивают возможность применить *opinio juris* (правомерность применения закона) в отношении действий, открыто нарушающих положения Устава ООН, важного документа, поддерживающего международную систему, в которой не было войн между крупными державами с 1945 г. В контексте гибридной войны такие «великодушные» мотивы не должны приниматься в расчет. Скрытые средства чрезвычайно важны для стратегии гибридной войны не потому что они помогут избежать открытого нарушения Устава ООН, а потому что они используют слабости международного режима правоприменения, где статус-кво зачастую состоит именно в отсутствии действий, особенно в тех случаях, когда государства-агрессоры посеяли семена сомнения относительно ответа на вопрос

Пророссийские боевики уходят из деревни Петровское, что в 50 километрах от Донецка, Украина, в соответствии с соглашением о демилитаризации, заключенным в октябре 2016 г. AFP/GETTY IMAGES

«кто это сделал» и относительно того, являлись ли совершенные действия на самом деле незаконными.

Другие гибридные меры просто не отражены в запрете Устава ООН на использование силы. Например, экономические меры, как правило, не считаются нарушением Статьи 2(4). Дезинформация и преступная деятельность также не подпадают под определение агрессии. Тем не менее, действия, которые не считаются применением силы, все же могут быть незаконными, поскольку они будут представлять собой форму вмешательства. Неприкосновенность суверенитета четко прописана в доктрине о суверенном равенстве, закрепленном в Статье 2(1) Устава ООН. Генеральная Ассамблея ООН выразила свое мнение по поводу этой концепции. В декларации от 1965 г. Генассамблея определила вмешательство как «нарушение реализации государством своих суверенных прав» вплоть до насильственного свержения правительства страны. В декларации, принятой в 1970 г., Генассамблея подчеркнула запрет на вмешательство во внутренние и внешние дела любого другого государства, а также «все другие формы вмешательства или попыток угроз в отношении государства или его политических, экономических и культурных элементов».

Вмешательство можно понимать и как интервенцию, которая в международные документы включается реже. Ключевая фраза содержится в известном решении Международного суда, принятого в 1986 г. в отношении Никарагуа. Суд подтвердил право всех государств решать вопросы, относящиеся к государственному суверенитету, включая те, которые относятся к политической, экономической, социальной и культурной системам государства, а также к определению его внешней политики. Когда на эти функции государства оказывается давление, в том числе путем подрывной деятельности или непрямого применения силы, то такое давление считается незаконным вмешательством.

Таким образом, рамки Устава ООН, по крайней мере концептуально, достаточны для того, чтобы осудить гибридные меры, которые не доходят до применения военной силы. Однако, как отмечал Том Фарар в своей работе, опубликованной в 1985 г. в «American Journal of International Law», после Никарагуа определение насильственного вмешательства остается размытым. Отсутствие ясности и та разделительная черта, которая почти приравняла вмешательство к интервенции, оставили правовые бреши, которые могут использовать те, кто применяет гибридные меры. Ни один из элементов гибридной кампании не может считаться четким примером насильственного вмешательства, если его рассматривать как изолированный случай. Однако, постоянное, скоординированное вмешательство с целью дестабилизировать правительство может нарушить дух, если не буквы, положений Устава ООН, защищающих политическую независимость государств. В то время как государство с развитыми гражданскими институтами может быть в

Украинские военно-морские суда, захваченные Федеральной службой безопасности России, стоят на якоре в Крыму. Ноябрь 2018 г. РЕЙТЕР

состоянии устоять перед трубным звуком фальшивых новостей, спровоцированными волнениями и стратегически организованной утечкой информации, предпринятой для подрыва выборов, страны с менее сильными институтами могут не выдержать такого натиска одновременно со всех сторон. Таким образом важно, чтобы силовое давление было замечено, проанализировано, и на него, в случае необходимости, был дан быстрый и скоординированный ответ со стороны тех государств и международных и неправительственных институтов, которые привержены защите политической независимости, которая гарантирована Уставом ООН. При этом силовое давление следует отличать от прозрачных и законных действий государств, которые прибегают к дипломатическому давлению, не подпадающему под категорию незаконного вмешательства.

Заключение

Для полного понимания гибридной войны как стратегической концепции необходимо поместить ее в существующий правовой режим, регулирующий применение силы в соответствии с международным правом. Рассмотрение юридических аспектов гибридного конфликта, в свою очередь, требует должного признания того, что некоторые гибридные кампании можно квалифицировать как агрессию. Это также требует дополнительных теоретических выкладок, которые бы определили, какие гибридные меры можно квалифицировать как силовое вмешательство. В этом смысле, такие усилия, как создание Европейского центра мастерства по противостоянию гибридным угрозам, только приветствуются. Его сотрудники должны проследить за тем, чтобы в возрастающую массу работы, связанной с вопросами гибридной войны, был включен устоявшийся лексикон международного права, что будет важным шагом в рассеивании тумана войны в «серой зоне». □

Высказанные суждения принадлежат исключительно автору и не отражают мнение ВМФ США, Министерства обороны США или правительства США. Версия этой статьи была напечатана в публикации Американского общества международного права «Insights».

ХАКЕРСТВО

КАК

ИНСТРУМЕНТ

ВЛИЯНИЯ

Пирет Перник,
научный сотрудник Эстонской Академии исследований проблем безопасности

ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM | ФОТОГРАФИИ AFP/GETTY IMAGES

Кибератаки являются ключевым элементом российской информационной войны

В последние годы либеральные демократии все чаще становятся объектами некинетических нападений со стороны стран с авторитарными режимами, особенно в сфере киберпространства. Все государства – как демократические, так и авторитарные – традиционно используют кибервозможности для сбора развединформации в других странах, однако, сегодня политическая война малой интенсивности в киберпространстве стала гораздо более заметной. К сожалению демократических стран, киберпространство является идеальной средой для подрыва демократических процессов и институтов при помощи различных скрытых операций.

Авторитарные государства и их посредники используют кибератаки для поддержки других видов деятельности, направленной на оказание влияния. В киберпространстве основными государствами, противостоящими демократическим странам, являются Китай, Россия, Иран и Северная Корея. Среди них Китай и Россия разработали совершенные стратегии и тактики ведения информационной войны и информационных операций, а Иран успешно копирует их деятельность. Хотя в этой статье основное внимание уделяется российской теории и практике использования кибератак для «мягкой» подрывной деятельности, следует отметить, что у Китая схожий подход. Обе страны в свободе информации и иностранных технологиях видят угрозу своему «киберсуверенитету» и стремятся контролировать киберпространство и содержащуюся в нем информацию. Точно так же, в том, что касается деятельности, связанной с информацией, ни одна из этих стран не делает различия между мирным и военным временем. Обе страны имеют многолетние традиции стратегического осмысления роли информации в распространении национального влияния и комплексного понимания информационного пространства. Маловероятно, чтобы китайские и российские стратегии претерпели существенные изменения в ближайшем будущем.

Подходы России и США

Основные российские стратегические документы (Военная доктрина Российской Федерации от 2014 г. и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г.) определяют использование информационных и коммуникационных технологий в политических и военных целях в качестве основной

угрозы в военной сфере и в сфере безопасности. Они представляют контрмеры России в информационном пространстве как оборонительные действия и считают их стратегическим приоритетом как в мирное, так и в военное время. Москва расценивает расширение Европейского Союза и НАТО, а также «цветные революции» в бывших советских республиках как угрозу российским геополитическим интересам и национальной безопасности. Поэтому, приходящая с Запада информация воспринимается как угроза для безопасности и всей информационной среды как сферы деятельности.

На этом фоне Россия рассматривает свою информационную войну против Запада как «меры по нейтрализации угрозы», направленные на сдерживание, как она считает, враждебных действий. Таким образом, свобода информации и ее среда – свободный и открытый Интернет – стали объектами нападений России. Этот подход, который некоторые могут назвать параноидным, часто озвучивается российскими госчиновниками высокого ранга и руководителями страны. Например, пресс-секретарь президента Владимира Путина Дмитрий

Россия рассматривает свою информационную войну против Запада как «меры по нейтрализации угрозы», направленные на сдерживание, как она считает, враждебных действий.

Песков заявил, что Россия находится в «состоянии информационной войны с законодателями мод в информационном пространстве, особенно с англосаксами и их СМИ». Сергей Кисляк, бывший посол России в США, утверждает, что США ведут «массированную пропагандистскую кампанию ... с целью подорвать внутривнутриполитическую атмосферу в России». По мнению журналиста и писателя Андрея Солдатова, Кремль искренне считает, что он является жертвой нападения Запада, и что поэтому российская стратегическая деятельность всегда носит ответный характер. Однако, как пишет Дмитрий Адамский в своей работе, подготовленной для Французского института международных отношений и опубликованной в 2015 г., по мнению России, сдерживание в информационном пространстве может оказывать давление на противника в других сферах деятельности.

Российскую концепцию информационной войны можно описать термином информационное противоборство. Министерство обороны России определяет свою

цель как «нанесение ущерба сопернику посредством информации в информационной сфере». Основные механизмы нанесения ущерба делятся на информационно-психологические и информационно-технические. Технические инструменты – это кибератаки низкого уровня (например, несанкционированный доступ к информационным ресурсам). Конечной целью является изменение стратегического поведения противника, которое достигается путем манипулирования восприятием им реальности и его сознанием посредством технологических и психологических компонентов противоборства.

Психологические меры включают в себя все, что может повлиять на общую массу населения и на личный состав вооруженных сил. В 2017 г. В. А. Киселев в статье в российском журнале «Военная мысль» разъясняет, что для России целями психологической деятельности является оказание влияния на волю, поведение и боевой дух противника, а также на более скрытые эмоции, которые воздействуют на рациональное мышление. Адамский

«Для России целями психологической деятельности является оказание влияния на волю, поведение и боевой дух противника, а также на более скрытые эмоции, которые воздействуют на рациональное мышление». ~ В. А. Киселев, «Военная мысль»

описывает эту деятельность, известную как рефлекс-торное управление, как попытку государства предопределить принимаемые противником решения таким образом, чтобы противник верил в то, что он действует в своих собственных интересах. В соответствии с российской военной доктриной, информационная война в современных конфликтах не только нацелена на принятие противником ключевых решений, но также и на широкое использование «протестного потенциала населения». Военная доктрина США придает намного меньшее значение психологическому воздействию на население противника в целом. Она просто указывает, что цель информационной войны в том, чтобы посеять сомнения, озадачить и обмануть политическое руководство страны, военных и другие аудитории, оказать на них влияние, но при этом ничего не говорит о необходимости манипулировать отдельными сегментами населения. По мнению Адамского, Россия считает полем боя человеческое сознание, восприятие и стратегические расчеты. Известный российский эксперт по вопросам информационной войны Сергей Модестов говорит, что когнитивная сфера как поле боя не имеет границ. Границы размыты между войной и миром, тактическими, оперативными и стратегическими уровнями операций, формами войны (оборонительной и наступательной) и силовым воздействием.

Два ключевых аспекта отличают российское понимание информационного противоборства от подхода американских военных к информационным операциям.

С точки зрения России, информационная война, во-первых, должна вестись постоянно в мирное время, и, во-вторых, это деятельность стратегического уровня, которая должна вестись всем обществом в качестве ответной меры, что напоминает советскую концепцию тотальной обороны, согласно которой для нужд национальной обороны использовались все ресурсы гражданского общества. Эксперт по России Марк Галеотти в своей статье, написанной для Европейского совета по международным отношениям, описывает, как при реализации этого комплексного подхода Кремль привлекает для осуществления конкретных операций добровольцев, организованные преступные группировки, представителей бизнеса, Русскую Православную Церковь, организованные правительством неправительственные организации, СМИ и других субъектов. В США, напротив, военные считают информационные операции деятельностью военного времени, которые проводятся специально назначенными учреждениями и строго в рамках определенных для них полномочий. В США эта деятельность считается деятельностью оперативного уровня.

В некоторых аспектах американские и российские подходы схожи. Для России, как утверждает Киселев, насильственные физические действия, такие как «похищение госчиновников

противника» или «физическое уничтожение имущества и целей противника» также являются психологическими инструментами. Аналогичным образом, в США физическое разрушение включено в число инструментов информационных операций. Соответственно, действия в сферах проведения операций (земля, воздух, море, космос, киберпространство) могут иметь психологический эффект. Обе страны считают, что кибератаки принадлежат к набору инструментов информационной войны и что связанная с информацией деятельность должна проводиться одновременно в кибернетическом и физическом пространстве. Обе страны включают оборонные мероприятия (например, организацию безопасности на оперативном уровне и защиту собственной инфраструктуры, компьютерных сетей и войск) в состав информационной войны, поскольку они согласны с тем, что конечная цель информационной войны заключается в достижении информационного превосходства. Россия делает упор на информационно-психологические возможности, поскольку контроль над информацией, включая контроль над контентом и физической структурой Интернета, представляется гарантией выживания режима. США, наоборот, делают основной упор на информационно-технологические возможности.

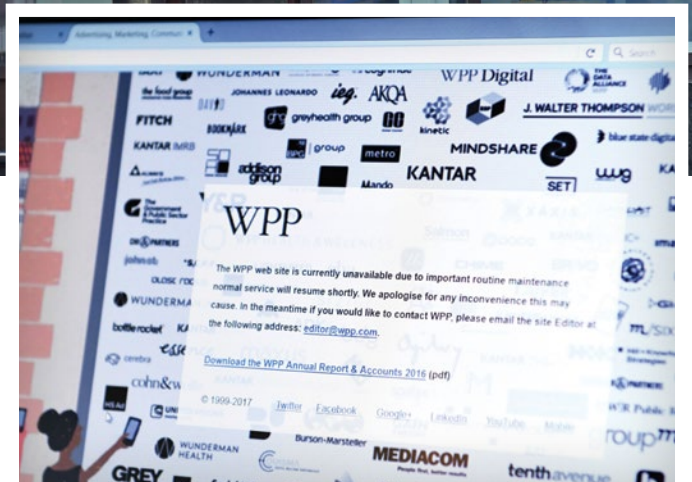
Асимметричные меры

Инструменты российской внешней политики можно разделить на шесть больших категорий: госуправление, экономика и энергетика, политика и политическое

Посетители пытаются войти в закрытое отделение Ощадбанка в Киеве, Украина. Июнь 2017 г. Волна кибератак прошла по Западной Европе и зоне Атлантики и нанесла значительный ущерб правительственным и корпоративным компьютерным сетям.

Домашняя страница сайта британского рекламного гиганта WPP сфотографирована после того, как эта и несколько других многонациональных компаний стали объектами кибератак, которые в июне 2017 г. поразили сначала Россию и Украину, а затем распространились на Западную Европу.

насилие, военная мощь, дипломатия и связь с общественностью, а также информация и война нарративов. Такое деление дано Робертом Сили в работе, опубликованной в 2017 г. в «RUSI Journal.» Помимо традиционных инструментов национальной власти Россия также использует набор скрытых инструментов влияния, которые она называет активными мерами. В какой-то мере Кремль поставил на службу войне все аспекты современной жизни на личном, организационном, государственном и глобальном уровне – культуру, историю, национализм, информацию, СМИ и социальные сети, Интернет, сферу бизнеса, коррупцию, избирательную систему и глобализацию. В этой борьбе информация стала мишенью, дезинформация – оружием, а Интернет – полем боя.

Одной из главных угроз, которые демократическое мировоззрение представляет для российской модели правления, это свобода слова, которая реализуется, помимо прочих возможностей, также через свободный и открытый Интернет. Интернет может разжигать

протесты и народные волнения – например, «цветные революции» – и Кремль опасается, что переворот наподобие «арабской весны» может лишить его власти. Кремль выразил свой страх перед свободным и открытым Интернетом еще в 2014 г., когда Путин назвал его «проектом ЦРУ», от которого Россия должна защититься. По этой причине модель, при которой Интернетом управляют многочисленные заинтересованные субъекты, воспринимается Россией и другими авторитарными режимами как изначально опасная. Эти режимы намереваются усилить свой контроль за контентом и физической инфраструктурой киберпространства, а также за программным и аппаратным обеспечением. В оборонительных или наступательных целях, или же их сочетания, Россия использует киберпространство для проведения действий по оказанию политического влияния на стратегическом уровне против многих членов ЕС и НАТО, а также против стран Западных Балкан, Южного Кавказа и Центральной Азии.

«Началом мудрости является понимание того, что стремление России оказывать влияние носит характер постоянных базовых усилий, которые не ограничиваются «операциями влияния». Эти усилия трудоемкие и требуют затрат больших ресурсов, они построены на знании местных особенностей, обработке людского сознания и долгосрочном развитии сетей».

~ Джеймс Шерр, эксперт по внешней политике России

Каждая страна по-своему уязвима перед российскими т.н. активными мерами. Галеотти различает семь типов российской стратегии оказания влияния, которые эксплуатируют конкретные слабые места и чувства привязанности в каждой конкретной стране. Например, у Болгарии и у Греции имеются два схожих уязвимых места: политическая и корпоративная элита, дружески настроенная по отношению к России, и слабые демократические институты. Россия развивает стратегию «государственного захвата», пытаясь сделать из этих стран своеобразных «троянских коней» в составе ЕС и НАТО. Венгрия, Румыния и Черногория также имеют слабые институты, но их близость к российским интересам довольно умеренная. Поэтому Россия выбирает только отдельные конкретные области (например, вопрос о санкциях ЕС), развивая стратегию оказания влияния на государство.

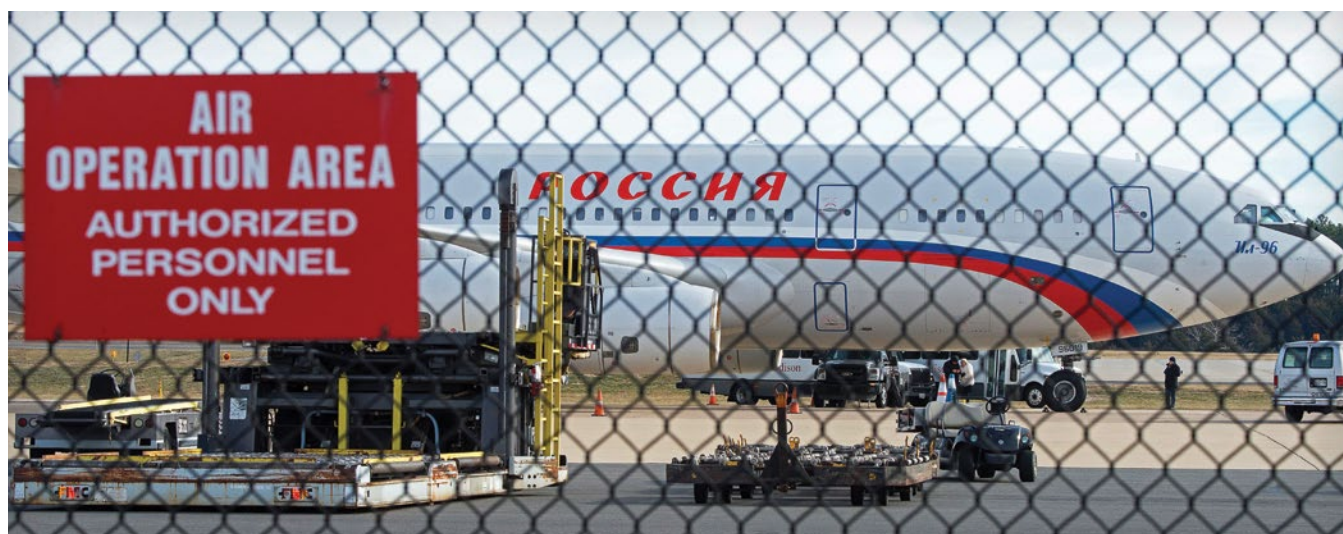
Согласно Галеотти, оставшиеся виды стратегий следующие: использование уязвимых мест (в Великобритании), демонизация (в Эстонии и Польше), выведение из строя (во Франции, Германии, Голландии и Швеции), оказания влияния на население (в Чехии, Италии, Латвии и Литве) и социальный захват (в Словакии). Что касается

информационной среды, то Россия также создала специфические мемы и нарративы для оказания влияния на различные страны. В социальных сетях она создала боты для оказания влияния на общественное мнение в США, Великобритании, Голландии и Испании. В Венгрии, Чехии и Австрии, как отмечается в работе «Вмешивается ли Россия в выборы в Чехии, Австрии и Венгрии?», опубликованной в 2017 г., она использовала множество местных субъектов из сферы экономики и дезинформации. Российская практика дезинформации в Европе показывает, что после анализа сильных сторон (например, свобода слова) и уязвимых мест, которые можно использовать, и просчитывания ожидаемого эффекта, выбираются конкретные инструменты влияния. Россия считала, что социальные сети были эффективной средой для скрытой дезинформационной деятельности в США. Это позволило ей нацелить работу против отдельных демографических групп в отдельных географических регионах на большой физической территории с низким риском эскалации. В нескольких странах Центральной и Восточной Европы меры физического влияния (коррупция и культурная, национальная и другие привязанности) дали более высокий эффект на стратегическом уровне, чем тот, который бы дало злоупотребление платформами социальных сетей.

Поэтому, Россия усугубляет социально-экономическое и идеологическое недовольство в западных обществах, относящиеся к таким вопросам как глобализация,

Российский самолет прибывает в международный аэропорт им. Даллеса недалеко от Вашингтона, чтобы забрать высланных российских дипломатов после введения санкций против России за то, что она, как подозревают, провела ряд кибератак во время выборов в Соединенных Штатах.

Российский самолет прибывает в международный аэропорт им. Даллеса недалеко от Вашингтона, чтобы забрать высланных российских дипломатов после введения санкций против России за то, что она, как подозревают, провела ряд кибератак во время выборов в Соединенных Штатах.

технологические новшества, национализм, фундаментализм, иммиграция и изменение климата. Помимо использования особенностей каждой конкретной страны, она также эксплуатирует открытость и свободу демократических систем. Говоря словами эксперта по российской внешней политике Джеймса Шерра, «характеристики либерального политического устройства, которые обычно являются источником силы, например, «справедливость», могут также использоваться для подрыва либеральной демократии и достижения враждебных целей».

Далее он пишет: «Началом мудрости является понимание того, что стремление России оказывать влияние носит характер постоянных базовых усилий, которые не ограничиваются «операциями влияния». Эти усилия трудоемки и требуют затрат больших ресурсов, они построены на знании местных особенностей, обработке людского сознания и долгосрочного развития сетей».

Многие эксперты считают, что российский подход к информационному противоборству постоянно эволюционирует, развивается и приспосабливается, а другие уверены, что за все эти годы процесс уже доведен до совершенства.

Подводя итог, можно сказать, что опыт использования активных мер и запугивания, оставшийся с советских времен, был приспособлен и усовершенствован для применения в современных условиях. Асимметричные инструменты могут быть переданы для операций в руки различных субъектов, и еще одной привлекательной стороной такой политики для России является то, что такое влияние стоит недорого, исполнителей много, степень анонимности и скрытости довольно высокая, риск эскалации низкий, а дестабилизирующий потенциал огромный. Об этом говорится в докладе Атлантического совета, опубликованном в 2017 г. Как считает Сили, отличительной чертой России является то, что различные виды асимметричных инструментов плотно взаимосвязаны между собой и скоординированы с конвенциональными операциями на ранних и подготовительных этапах военного конфликта (например, во время кинетических операций в Грузии и в Крыму).

Заключение

Уникальная природа киберпространства делает его идеальной средой для кибератак и других возможных в киберпространстве действий с целью оказания политического влияния, относящихся к т.н. «серой зоне» между войной и миром. Кибервозможности отличаются от кинетического оружия во многих аспектах, и концепция применения конвенционального оружия не подходит для изучения динамики в этой сложной киберсреде. Кибершпионаж, похоже, имеет стратегические последствия, в то время как незначительные кибератаки дают эффект на тактическом и оперативном уровнях; тем не менее, совместно с психологическими операциями они могут иметь стратегические последствия для национальной безопасности. Вооруженные силы используют кибератаки в кинетических конфликтах, а также

Тюремная куртка Энн Тарто, бывшего эстонского политзаключенного, проведшего многие годы в советских тюрьмах, висит в выставочном зале Музея оккупации в Таллине как напоминание о том, как в прошлом Россия поработала соседние страны.

за пределами зоны конфликта против гражданских объектов. Они задуманы как инструмент, преумножающий обычную военную силу и использующийся для поддержки операций в других сферах; иногда кибератаки заменяют использование кинетической силы. В некоторых случаях кибератаки сами по себе могут иметь психологический эффект, но масштабы таких возможных последствий еще не достаточно хорошо проанализированы. Также еще недостаточно изучены стратегические последствия кибернападений для национальной безопасности и межгосударственных отношений. По этой причине все прошлые кибернападения заслуживают более тщательного изучения.

Россия не применяет какую-то одну универсальную стратегию кибернападения ко всем объектам; наоборот, она творчески подходит к изучению различных возможностей в отношении новых объектов по мере их появления. В руках авторитарных государств кибератаки являются идеальным оружием для распространения их национального влияния и поддержки других видов деятельности с целью оказания политического воздействия. Они могут использоваться для сдерживания и оказания давления, но необходимо разработать более эффективную теорию международных отношений в киберпространстве, чтобы объяснить, как именно кибератаки могут служить факторами сдерживания или давления. Необходимо объединить количественные и качественные методы и аналитические выкладки на оперативном и стратегическом уровнях, чтобы разработать новые теоретические и концептуальные рамки для понимания этой быстро эволюционирующей среды и того, как авторитарные государства могут ее использовать в своих целях. □

Это сокращенная версия статьи, опубликованной в Международном центре по вопросам обороны и безопасности в Эстонии.

ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА НАПАДЕНИЕ

Михаил Найденов, эксперт по вопросам обороны и национальной безопасности

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ БОЛГАРИИ ПО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГИБРИДНЫМ УГРОЗАМ**

Кремлевская кампания гибридной войны против НАТО и Европейского Союза, особенно подрывная деятельность против восточно-европейских членов, представляет собой серьезный вызов безопасности альянса и Болгарии. Как государство, находящееся на восточном фланге НАТО и ЕС, Болгария чрезвычайно уязвима перед стратегией систематической подрывной деятельности Москвы, направленной на создание помех в строительстве прочной национальной безопасности и системы обороны. Это пагубно сказывается на усилиях Болгарии, стремящейся вложить свой вклад в безопасность НАТО и ЕС.

Чтобы быстро и эффективно изменить такое опасное положение дел, Болгария должна немедленно разработать четкую программу укрепления институциональных возможностей по противодействию гибридным угрозам, независимо от того, откуда они исходят. В качестве первого шага Болгария должна – и как можно скорее – разработать и принять национальную стратегию борьбы с гибридными угрозами. Этот документ должен полностью согласовываться с документами НАТО и ЕС в этой набирающей актуальность сфере, особенно со стратегией противостояния в гибридной войне, принятой альянсом в 2015 г., и документом под названием «Общие рамки противодействия гибридным угрозам – ответ Европейского Союза», принятым ЕС в 2016 г.

Положительный момент состоит в том, что в 2018 г. Болгария обновила свою принятую в 2011 г. Стратегию национальной безопасности, и в документ были введены положения о гибридных угрозах, а также новая оценка обстановки внешней безопасности с учетом незаконной аннексии Крыма Россией в 2014 г. Также были учтены изменения в текущем геостратегическом и военном балансе сил в черноморском регионе. Более того, София в 2016 г. обновила Стратегию национальной обороны с тем, чтобы дать возможность своему министерству обороны лучше подготовиться к вызовам гибридной войны. Тем не менее, принимая во внимание всю серьезность сегодняшних проблем, этих шагов недостаточно. И поэтому Болгарии необходимо иметь новый стратегический документ, где четко прописана реакция на гибридные угрозы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Болгарской национальной стратегии уже давно пора дать ответ на гибридные угрозы. Она должна способствовать реализации обновленной Стратегии национальной безопасности. Сосредоточив основное внимание на противодействии гибридным угрозам, эта стратегия направляла бы всю национальную политику в этой области. Она должна стать основным инструментом, который сделает национальные усилия по

противостоянию гибридным угрозам хорошо скоординированными, эффективными и действенными. Документ должен содержать реалистичный анализ слабых мест в национальной системе и определить правильные пути и средства борьбы с гибридными угрозами с учетом имеющихся ресурсов. Эта стратегия должна четко и недвусмысленно сформулировать проблему и пути ее решения.

Мужчина протестует против российского вторжения в Украину в марте 2014 г., стоя перед памятником Советской армии в Софии, Болгария, и держа в руках табличку, на которой уравниваются Советский Союз и нацистская Германия. Болгария, бывший член просоветской Организации Варшавского Договора, чрезвычайно уязвима перед тактическими приемами российской гибридной войны. AFP/GETTY IMAGES

Разработка стратегии должна быть межведомственным процессом, в котором будут принимать участие все соответствующие национальные институты при общей координации со стороны Совета министров. Участие специалистов из различных структур, таких как министерства обороны, внутренних дел, иностранных дел, финансов, экономики, энергетики и транспорта, а также органов разведки и контрразведки и других соответствующих органов обеспечит более эффективную межведомственную координацию. Необходимо провести консультации с НАТО и ЕС и включить в документ весь имеющийся на сегодняшний день передовой опыт и усвоенные уроки. Документ должен быть одобрен правительством и введен в силу парламентом страны. Болгария начала пересмотр своей системы защиты национальной безопасности и стратегической обороны. Настало время разработать такой документ и ликвидировать существующие недостатки в системе национальной безопасности, связанные с противодействием гибридным угрозам.

Задачей номер один в этих усилиях является определение слабых мест именно в системе национальных государственных институтов. Именно по этой причине текст документа должен быть сосредоточен на уязвимых местах, существующих внутри страны, которые противник использует в своих интересах сейчас или может использовать в будущем. В этой связи содержание документа должно включать, как минимум, следующие разделы:

Введение должно, в первую очередь, ответить

Натовские парашютисты выпрыгивают с самолета «Геркулес» ВВС США в ходе военно-воздушных учений на авиабазе Безмер в Болгарии. Болгария является составной частью обороны восточного фланга НАТО. AFP/GETTY IMAGES

**СЕГОДНЯ МНОГИЕ
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
УЯЗВИМЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ
ГИБРИДНЫХ УГРОЗ
В ОСНОВНОМ ИЗ-ЗА
ИХ НЕСПОСОБНОСТИ
ПОНЯТЬ ПРИРОДУ
И ВЫБОР ВРЕМЕНИ
НАПАДЕНИЙ ИЛИ
ДАЖЕ НЕПОНИМАНИЯ
ТОГО, ЧТО ПРОТИВ
НИХ УЖЕ СОВЕРШЕНО
НАПАДЕНИЕ.**

на вопрос, почему стратегия так необходима. Должно быть совершенно четко определено, какие цели необходимо достичь. Краткое описание гибридной войны и гибридных угроз должно быть включено, не углубляясь в теоретические и академические детали. Важнее всего подчеркнуть, что гибридная война не «объявляется» и что она уже идет; это тот практический урок, который необходимо усвоить, и чем раньше, тем лучше. Сегодня многие европейские страны уязвимы перед лицом гибридных угроз в основном из-за их неспособности понять природу и выбор времени нападений или даже непонимания того, что против них уже совершено нападение. По этой причине они не могут дать оценку происходящему и, соответственно, предпринять эффективные меры защиты. Поскольку гибридная война – это, прежде всего, война восприятий, то если против страны совершено гибридное нападение, а руководители этой страны не в состоянии понять, что фактически участвуют в необъявленной войне, то поражение будет только вопросом времени. Такая стратегия помогает руководству страны путем отслеживания отдельных индикаторов понять на ранних этапах, является ли их страна объектом гибридного нападения.

Также должен быть включен **реалистичный анализ** фундаментально изменившейся с 2014 г. обстановки безопасности в Европе, причем основное внимание должно уделяться следующим вопросам: региональные перспективы Болгарии и особенно безопасность черноморского региона в контексте агрессии России в Украине, «замороженные» конфликты, милитаризация Крыма, наращивание сил российского ВМФ и растущие возможности России отказывать в доступе в определенные районы. Основываясь на анализе стратегической обстановки, этот документ должен четко обозначить основные источники гибридных угроз Болгарии.

Детализированная глава с убедительными доказательствами должна быть посвящена конкретным

Почетный военный караул на церемонии поднятия флага в столице страны, Софии, в ходе празднования 10-й годовщины присоединения Болгарии к НАТО. 2014 г. РЕЙТЕР

уязвимым местам национальных институтов перед гибридными угрозами. Это означает особый акцент на конкретные сферы гибридной деятельности, которая уже ведется против Болгарии. Сделать такой анализ будет трудно, и в какой-то момент он может оказаться чувствительным с политической точки зрения. Тем не менее, его включение в стратегию просто необходимо, если мы хотим, чтобы документ получился «зубастый» и принес конкретные результаты. Не претендуя на рассмотрение всех возможных областей, можно сказать, что в этой главе должны рассматриваться, как минимум, следующие вопросы:

- Проникновение иностранных держав во внутренние политические процессы в Болгарии и процессы принятия решений на национальном уровне и внутренние политические субъекты, поддерживающие иностранное гибридное вмешательство.
- Деятельность зарубежных разведслужб в Болгарии.
- Манипуляция средствами массовой информации – использование Интернета и социальных сетей для манипулирования общественным мнением, распространения фейковых новостей и продвижения пророссийских нарративов, нацеленных против ЕС, НАТО и Запада в целом.
- Особое внимание к владельцам отдельных СМИ, про которых очень мало известно, и к возможности запуска медийных проектов как части гибридной деятельности.
- Энергетическая зависимость от России как ключевой инструмент гибридной деятельности против болгарского государства и общества.
- Использование экономических отношений для оказания влияния на принятие политических решений.

- Недостаточно укрепившееся верховенство закона как благодатная почва для применения гибридных мер.
- Коррупция и организованная преступность как инструменты, которые могут использоваться в целях гибридной войны.
- Подрывные действия России против создания в Болгарии прочной системы обороны.
- Существование и функционирование пророссийских полувоенных группировок.
- Уязвимость критически важной инфраструктуры.
- Кибератаки как инструмент гибридной войны.
- Опасность нелегальной миграции и возможность использования ее внешними силами как инструмента в осуществлении гибридной деятельности.

Еще одна глава должна быть посвящена конкретным рекомендациям и вариантам устранения обнаруженных недостатков. Это помогло бы укрепить жизнестойкость государства перед лицом гибридных угроз. Жизнестойкость понимается как возможность предотвратить материализацию угрозы, но если все же угроза была материализована, возможность быстро восстановиться и вернуться в нормальное состояние. Видение НАТО в отношении гибридных угроз сосредотачивает усилия на трех основных направлениях – подготовка, сдерживание и оборона. Будучи членом НАТО, Болгария должна использовать эту стратегию и трансформировать видение НАТО в действия на национальном уровне.

Чтобы достичь успеха в противодействии гибридным угрозам, необходимо уделить должное внимание сотрудничеству и координации действий. Эта деятельность имеет два уровня – внутренний и внешний. Это должно быть включено в содержание следующей главы документа. Первый уровень – это создание и совершенствование внутреннего, межминистерского и межведомственного координационного механизма для борьбы с гибридными угрозами. Стратегия должна предложить такие меры, которые бы сделали взаимодействие между институтами национального уровня эффективным и оперативным, делая упор на совершенствование возможностей раннего оповещения и быстрого реагирования. Назначение координирующего органа государственного уровня (было бы логично, если бы это была структура, подчиняющаяся премьер-министру) совместно с принятием строгих процедур для эффективного межинституционального взаимодействия также стоит принять в расчет на этом этапе. Второй этап состоит из более плотной интеграции в процессы, процедуры и структуры НАТО и ЕС. Более тесное сотрудничество с институтами НАТО и ЕС, обеспечивающее обмен передовым опытом и поиск совместных решений, было бы чрезвычайно важным для успешного противостояния вызовам сегодняшнего и завтрашнего дня. Шагом в верном направлении для Болгарии было бы сотрудничество с Европейским центром мастерства по

вопросам борьбы с гибридными угрозами в Хельсинки, Финляндия, который помогает странам-участникам создать возможности и повысить уровень сотрудничества с ЕС и НАТО в сфере борьбы с гибридными угрозами.

Еще одна глава стратегии должна быть посвящена ресурсам, необходимым для эффективного противостояния гибридным угрозам, и, в особенности, требование обеспечить достаточное финансирование сектора национальной безопасности, включая военную сферу. Для этой цели союзники по НАТО приняли обязательство тратить на оборону 2% своего ВВП.

И наконец, стратегия должна быть живым документом, открытым для периодического пересмотра и обновления с тем, чтобы в ней находили отражение эволюционирующие вызовы национальной безопасности. В заключительной главе должны быть зафиксированы срок действия документа (как минимум пять лет) и механизм его пересмотра и обновления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс разработки в Болгарии Национальной стратегии борьбы с гибридными угрозами будет служить одновременно нескольким важным целям. Во-первых, этот процесс поможет в обнаружении уязвимых к гибридным угрозам мест в существующей национальной системе и в определении путей и средств исправления ситуации и лучше подготовит государственные институты Болгарии к противодействию этим угрозам.

Болгария, которая уже много лет испытывает на себе подрывное гибридное влияние Кремля, представляет собой хороший аналитический предмет для углубленного тематического исследования. Извлеченные уроки могут быть полезны не только на национальном уровне, но также и для НАТО, для ЕС и для их стран-членов. Разработка стратегии поможет в проведении такого анализа. Это также даст хорошую возможность обмена соответствующим свежим опытом с НАТО, ЕС и ключевыми союзниками, а также возможность разработать схему практического сотрудничества в этой сфере.

Наконец, начало процесса разработки и официального принятия этой стратегии спровоцирует отрицательную реакцию у некоторых политиков. Эта политическая оппозиция выявит внутренних субъектов в стране, которые не хотят видеть в Болгарии надежного, жизнестойкого и эффективного члена НАТО и ЕС, плотно интегрированного в структуры этих организаций. Более того, такое состояние дел вместе с качеством окончательной версии документа, которая будет одобрена, предоставит отличную возможность пролить свет на истинные масштабы и глубину кремлевского проникновения в политическую систему Болгарии. □

Взгляды, высказанные в этой статье, принадлежат исключительно автору и не обязательно отражают официальную политику или позицию Министерства обороны Болгарии или болгарского правительства.

ЭСТОНИЯ

ЛАТВИЯ

ЛИТВА

ЛАТВИЯ – АНАЛИЗ СИТУАЦИИ

СИЛОВОЕ ДАВЛЕНИЕ РОССИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ И УСИЛИЯ ПО ОСЛАБЛЕНИЮ ВОСТОЧНОГО ФЛАНГА НАТО

Рослав Ежевски, командор ВМФ Польши и
национальный военный представитель в Верховном главнокомандовании Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе

ФОТОГРАФИИ АССОЦИИЭЙТЕД ПРЕСС

Президент России Владимир Путин не раз говорил, что он сожалеет о распаде Советского Союза. Для Путина и многих россиян это была геополитическая катастрофа, которая вывела Восточную Европу из-под российской гегемонии. Тот факт, что прибалтийские страны и государства Восточной и Центральной Европы, входившие в советскую сферу влияния, теперь являются членами НАТО, вызывает раздражение у российского руководства. Кремль забрасывает их фейковыми новостями, обвиняет в фашизме и надеется найти слабую точку в структуре альянса. Восточный фланг НАТО не является однородным, особенно когда речь идет о прибалтийских государствах.

Однако, какая же из трех стран самая уязвима? Количественный анализ некоторых показателей помогает дать ответ на этот вопрос. Европейский индекс качества правительства за 2017 г., который отражает общественное мнение относительно коррупции и качества правительственных услуг, из 202 опрошенных европейских регионов поставил Эстонию на 90-е место, Литву на 114-е, а Латвию на 142-е. Другой показатель, Индекс гуманитарного развития, также отдал первенство среди прибалтийских стран Эстонии (30-е место), затем следуют Литва (35-е место) и Латвия (41-е место). Та же самая последовательность наблюдалась и в двух других исследованиях: Индексе социальной справедливости в ЕС за 2016 г. и Индексе социальной сплоченности за 2017 г. Несколько качественных показателей помогают объяснить занимаемые Латвией места: 26% латвийского населения – этнические русские, многие жители страны не являются латвийскими гражданами, и

общество находится в беспокойном состоянии и все еще приходит в себя после финансового кризиса 2008 г. Эти факторы делают Латвию особенно уязвимой к угрозам в сфере безопасности, порождаемым приемами гибридной войны, также известной как «война нового поколения» или принуждение в нескольких сферах, которое призвано оказать влияние на поведение противника, используя невоенные средства.

Россия, которая не одобряет членство Латвии в НАТО, пытается всеми средствами ниже порога активных военных действий подорвать стабильность страны и повлиять на сплоченность ее населения, надеясь при этом ослабить единство НАТО. Концепция национальной безопасности, принятая правительством Латвии в 2015 г., признает, что, преследуя свои цели, Россия будет использовать силовое давление во всех возможных сферах, особенно в социальной, экономической и военной.

Примерами российского давления в отношении Латвии являются оскорбительная пропаганда в спонсируемых Россией СМИ, военные учения с использованием боевых боеприпасов в пределах латвийской Исключительной экономической зоны в апреле 2018 г., а также деятельность российской организованной преступности. С такими проявлениями давления трудно бороться, поскольку Россия стремится подорвать сплоченность латвийского общества и стабильность в стране, в то же время не провоцируя конфликт, который повлек бы за собой применение Статьи 5 Устава НАТО. Применение методов войны нового поколения против Латвии, возможно, не дойдет до провоцирования обычной войны. Россия предпочитает использовать против НАТО «тактику рейдов», которая представляет

собой дешевые и действенные формы войны, проходящие через многие сферы (кибернетическую, информационную, финансовую). Эти формы войны включают просачивание и внезапные нападения с использованием оперативности действий и помогают достичь желаемых политических результатов. При таком подходе можно наносить удары по всем уязвимым точкам латвийского общества, подрывать доверие к правительству и ослаблять общественное единство.

Существенным уязвимым местом является большая доля этнических русских в общем населении страны. Многие из них не являются гражданами Латвии и лишены права голосовать и владеть недвижимостью. Это делает их уязвимыми перед российскими психологическими операциями (где лидирующие позиции занимает российская пропаганда), нацеленными на то, чтобы убедить их в том, что Латвия не защищает их права. Второе уязвимое место – это российская организованная преступность; существуют подозрения, что находящиеся в России организованные преступные группировки тесно сотрудничают с Кремлем и отмывают деньги в ходе тайных операций против латвийского общества и правительства. Масштабы и размеры этой угрозы публично не разглашаются, но это имеет серьезные последствия для безопасности Латвии. В-третьих, в стране есть ряд серьезных социальных проблем, таких

Лидер движения «Родной язык» держит листовку в поддержку референдума в 2012 г. с тем, чтобы сделать русский язык вторым официальным языком в Латвии. Почти три четверти проголосовавших в стране отвергли это предложение.

как большая разница в доходах населения, старение населения и эмиграция.

Данный анализ ситуации стремится ответить на следующие вопросы: является ли русскоязычное меньшинство в Латвии угрозой единству страны? Какое влияние оказывает российская организованная преступность на стабильность Латвии? Какие контрмеры можно принять? Чтобы ответить на эти вопросы, надо начать с опроса, без которого будет трудно определить уровень сплоченности латвийского населения, пробелы в социальной сфере и уязвимые места. Опрос дает оценку степени подверженности латвийского населения российской пропаганде, настроениям российского меньшинства и восприятию угроз как со стороны латышей, так и со стороны этнических русских.

УЯЗВИМЫЕ МЕСТА ЛАТВИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Численность населения Латвии оценивается в 1,95 млн. чел., трудоспособное население насчитывает немногим более 1 млн. чел. Латыши составляют 62% населения,

а этнические русские – 25,4%, что делает их наиболее многочисленным этническим меньшинством в стране. Многие русские живут в регионе Латгейл на востоке страны и являются частью русскоязычной диаспоры, которая появилась еще во времена советской оккупации. Латвийское население делится на две основные группы: говорящие по-латышски и не говорящие по-латышски. В русскоговорящее меньшинство входят этнические русские, белорусы и др.

Среди русскоязычного меньшинства примерно 242 тыс. чел. не являются гражданами Латвии, и общественный статус у них довольно низкий, поскольку они плохо говорят по-латышски и не могут устроиться на хорошую работу. Экономика региона Латгейл в упадке, и рабочие места есть, в основном, только в транспортном и строительном секторах. Одновременно с этим Латвия испытывает серьезный демографический спад. Согласно прогнозу, в 2060 г. население страны будет составлять всего 1,2 млн. человек. Причиной такого спада является старение населения и эмиграция из страны, особенно людей моложе 30 лет. Предполагается, что такая интенсивная эмиграция будет продолжаться как минимум до 2030 г. Если в районах, из которых уехало население, начнут действовать подрывные элементы, то это негативно скажется на национальной безопасности.

Доклад Национальной военной академии Латвии «Возможности общественной дестабилизации в Латвии: потенциальные угрозы национальной безопасности» описывает разделенное общество, где люди не проявляют ни социальной, ни политической активности, но при этом выражают серьезное недоверие правительству. Этот выпущенный в 2016 г. доклад указывает, что участие населения в общественных делах находится на низком уровне. Степень единства латвийского общества показана в Индексе социальной справедливости Европейского Союза за 2017 г., в котором Латвии отведено 19-е место из 28 стран-членов ЕС (и последнее среди прибалтийских стран). Система образования, однако, получила высокую оценку, но с оговоркой о существовании разницы в качестве образования между городскими и сельскими районами и о недостаточном удовлетворении нужд учеников-инвалидов.

Экономика, несмотря на позитивные тенденции, также имеет значительные уязвимые места. Латвия – небольшая страна с открытой экономикой, которая зависит от более масштабных глобальных тенденций. Бизнес и проекты развития в основном сосредоточены в Риге, в то время как остальные регионы страны существенно отстают в развитии. По этой причине 30% коренных латышей заявляют о своей готовности уехать из страны. Существует значительный разрыв в уровнях безработицы – наиболее низкий в Риге и наиболее высокий в регионе Латгейл. Процент пожилых людей, выпадающих из активной общественной жизни, возрастает. Эти факторы отражаются на всем населении Латвии и, соответственно, на настроениях русскоговорящего меньшинства.

НАСТРОЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ РУССКИХ

Исследования этого вопроса создают впечатление, что русскоговорящее меньшинство не представляет серьезной угрозы безопасности; примерно 80% русскоязычного населения заявляют о своей преданности латвийскому государству, о чем указано в докладе Александры Кужинской-Зоник, опубликованном в 2017 г. в «Baltic Journal of Law & Politics». Кроме того, русскоязычная диаспора сравнительно интегрирована в латвийское общество, хотя, как отмечает Джеймс Уинтер в своей статье в Small Wars Journal, опубликованной в 2018 г., у нее наблюдается антипатия к активному участию в национальных военных структурах. Ожидаемая правительственная политика в отношении языковой реформы может создать у этнических русских ощущение дискриминации. Однако, половина жителей страны, не имеющих гражданства, не поддерживают российские нарративы, о чем говорится в докладе Национальной военной академии, а старшее поколение демонстрирует самый высокий уровень преданности Латвии, поскольку жизнь в Латвии им нравится гораздо больше, чем жизнь в России. Тем не менее, большинство заявляет о том, что они не планируют получать латвийское гражданство из-за трудностей общения на латышском языке, из-за желания сохранить беспрепятственные поездки в Россию (им не нужна виза), а также из-за планов некоторых получить российское гражданство.

Интервью с представителями этнических латышей дополняет эту картину. Один респондент выразил довольно отрицательные чувства в отношении жителей без латвийского гражданства, утверждая, что они создают реальные проблемы для страны. По мнению этого опрашиваемого, эти люди любят Россию, а живут в Латвии. У некоторых проблемы с алкоголем и наркотиками, особенно у молодого поколения неграждан, а старшее поколение обвиняет латышей в нацизме. Но были также и более позитивные ответы респондентов. Один из них сказал, что многое зависит от родителей в диаспоре жителей без гражданства, поскольку есть примеры того, как представители этой диаспоры стараются выучить латышский язык и интегрироваться в общество. Другой латыш отметил, что те, кто хотел уехать в Россию, уже уехали, и что большинство оставшихся этнических русских не планируют уезжать. Пожилые люди имеют какие-то чувства к России, но только в силу этнической принадлежности. Они определенно не хотят эмигрировать, поскольку знают, что условия жизни в России хуже, чем в Латвии.

Есть также жители без латвийского гражданства, действующие против латвийского государства и создающие проблемы для национальной безопасности, поскольку Кремль может использовать их в качестве инструментов для достижения своих целей. Анализ, проведенный натовским Центром мастерства в Риге, указывает на то, что Россия остается источником информации, которому доверяют меньшинства в прибалтийских странах. Опубликованный в 2017 г. доклад

Полиция безопасности Латвии нарисовал тревожащую картину участия русскоязычных жителей Латвии в российских информационных кампаниях, направленных на внутренние проблемы Латвии. Эта часть русскоговорящего меньшинства может использоваться Россией для эксплуатации уязвимых мест внутри латвийского общества. Полиция безопасности Латвии уже предупредила враждебно настроенных пророссийских активистов о недопустимости таких действий. Еще одним инструментом провокаций может быть российская организованная преступность, проникшая в российскую диаспору Латвии и напрямую связанная с Кремлем.

Результаты исследования восприятия угрозы безопасности Латвии со стороны российского меньшинства в стране оказались неожиданными. В Латгейле, например, 78% населения, говорящего на местном диалекте, утверждают, что они будут на стороне Латвии в случае российской агрессии. По мнению одного латвийского госчиновника, эти люди готовы бороться за свободу Латвии, если будет необходимо. Для населения же Латвии в целом самую большую угрозу представляет

**«РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ В
ЛАТВИЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СРЕДЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ОДНУ ИЗ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫХ
ДОЛГОСРОЧНЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА».**

– Латвийское Управление по защите Конституции

не Россия, а неудовлетворительная внутренняя ситуация (низкие зарплаты, сокращение населения страны, неэффективная система здравоохранения, коррупция и преступность). Но все опрошенные заявили, что, по их мнению, Россия представляет угрозу. Они также выразили уверенность в том, что Россия может напасть без предупреждения. Концепция национальной безопасности Латвии называет Россию основной угрозой национальной безопасности страны. В других частях этого документа описывается, как силовое давление в различных сферах и методы гибридной войны нацелены на то, чтобы медленно ослаблять страну.

Основываясь на этой информации, можно предположить, что русскоязычная диаспора в Латвии не является однородной. В ней существуют различные точки зрения относительно правительства и различные представления о том, что считать угрозой национальной безопасности. Таким образом, этот вопрос требует дальнейшего изучения, включая проведение дальнейшего опроса жителей страны, поскольку нынешняя позиция, которую занимают лица без латвийского гражданства и национальные меньшинства, недостаточно отображена в современной литературе. Это же самое можно сказать

и о присутствии в стране российских организованных преступных группировок.

**КАК РОССИЯ МОЖЕТ ПРЕВРАТИТЬ
ЛАТВИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРУЖИЕ**

Концепция национальной безопасности Латвии описывает способы, которые используют другие страны, чтобы оказать влияние на единство латвийского общества. Россия использует стратегию гибридной войны, известной под названием «организация рейдов», что является легкой и эффективной альтернативой дорогостоящим и опасным методам конвенциональной войны. В информационной сфере такие «рейды» выступают инструментом принуждения противника, формируя общественное восприятие какой-то проблемы. Как и при любой агрессии, нападающий наносит удар по ключевому элементу. А в Латвии, скорее всего, таким ключевым элементом является общественное восприятие. Оскорбительные послания, проникающие в латвийское информационное пространство, пытаются создать позитивный образ России в глазах русскоязычного

меньшинства и подорвать доверие к латвийскому правительству. Там есть и музыка, и новости культуры, а между ними вставляются фейковые новости и ложь; одним из примеров такой лжи является заявление о том, что Латвия не была оккупирована Россией.

Для российских СМИ довольно легко организовать «рейды» в латвийское информационное пространство, в котором вещание идет на латышском и русском языках.

Телевидение, радио и «фабрика троллей», работающая в социальных сетях, передают сообщения «мягкой силы», сфабрикованные в России. Россия играет на национальных чувствах русскоязычного меньшинства для того, чтобы оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику соседних стран. В натовских Центрах мастерства стратегических коммуникаций считают, что «(предполагаемые) нарушения прав человека российских соотечественников за рубежом может служить оправданием нарушения суверенитета, как это было в случаях с Грузией и Восточной Украиной». Если Россия захочет спровоцировать волнения в стране, то российское меньшинство будет очень полезным инструментом.

Латвийское Управление по защите Конституции в 2016 г. отметило эту опасность, предупредив, что «российское влияние в латвийской информационной среде по-прежнему представляет одну из наиболее серьезных долгосрочных угроз безопасности латвийского государства». Российское вещание нацелено на все уязвимые стороны общества и использует любые предлоги, чтобы донести свои сообщения. В этом потоке сообщений Россия представляет себя как защитника старых общественных настроений, критикует НАТО и

языковую политику латвийского правительства, повторяет предложения предоставить соотечественникам российское гражданство и пенсии. Особенно эти сообщения направлены на ту часть населения, которая получает новости только из русскоязычных СМИ. Проведенный Национальной военной академией в 2015 г. опрос показал, что «46% русскоговорящего населения не получают никакой информации от СМИ на латышском языке ... Примерно до одной пятой части латвийского общества информация от СМИ на государственном языке не доходит».

Однако, легкий доступ к медийному пространству Латвии еще не гарантирует России победу в информационной войне. Опрос, проведенный натовскими Центрами мастерства, четко показывает, что российские усилия не так эффективны, как хотелось бы Кремлю, поскольку «национальные СМИ в странах, в которых проводился опрос, считаются более заслуживающими доверия, чем российские вещательные каналы». Например, 54% респондентов проведенного в 2017 г.

опроса не согласились с утверждением, что русскоговорящее население в Латвии подвергается дискриминации. Кроме того, 45% категорически не согласны с утверждением, что «НАТО представляет угрозу для России». Это означает, что аудитория выносит свое суждение относительно вещания российских каналов и сравнивает его с другими источниками информации.

Центры мастерства считают, что потенциальное превращение латвийского общества в оружие не ограничивается только военной сферой. Россия выискивает страны или регионы со слабыми механизмами государственного управления с целью оказания на них влияния посредством коррупции. Хезер Конли в своей книге «Кремлевский план: понимание российского влияния

Белорусские танки участвуют в военных учениях совместно с Россией недалеко от границы с Латвией. 2017 г. Среди русскоговорящего меньшинства в Латвии есть белорусы и другие национальности, на которые Россия старается оказывать влияние.

в Центральной и Восточной Европе» пишет, что этот процесс находится на переднем крае «войны нового поколения», что он оказывает влияние на систему, проникает в нее и ослабляет ее изнутри. Россия затем через установленные экономические связи распространяет свое влияние вовнутрь страны, старается захватить государственные органы и внести изменения в национальные решения. В 2018 г. агентство Рейтер опубликовало статью, в которой высказывались подозрения относительно того, что в латвийской банковской системе хранятся российские деньги, которые используются для вмешательства во внутренние дела европейских стран. В том же 2018 г. агентство Bloomberg сообщило о подозрительных российских финансовых транзакциях в Латвии, имевших место в период с 2010 г. по 2014 г., и о большом потоке российских депозитов в латвийские банки, начиная с 2012 г.

Еще большую тревогу вызывает заговор, подтвержденный службами безопасности Финляндии в 2018 г. Согласно отчетам, этнические русские (у некоторых из которых было двойное гражданство) покупали или строили дорогие дома в юго-западной части Финляндии вблизи от важных коммуникационных маршрутов и объектов, связанных с безопасностью. По другим сообщениям, были закуплены небольшие скоростные катера из армейских излишков и совершались частые вертолетные перелеты между Финляндией и Латвией. Это вынудило Финляндию рассмотреть меры, ограничивающие возможности покупки в Финляндии земли или недвижимости иностранцами. Аналогичные меры должны быть введены и в Латвии, где человек может получить статус постоянного жителя на 4-5 лет, если он соответствует одному из трех требований: он покупает недвижимость, делает инвестиции или открывает банковский счет. Особое внимание также следует уделять российской информационной обработке этнически русской молодежи, живущей в Латвии, которая происходит в полувоенных лагерях внутри России. В этих местах молодые умы заражаются пропагандой. Российские инвестиции в молодое поколение могут привести к тому, что в один день в Латвии появятся пророссийские политические лидеры.

В ответ на российскую агрессию Латвия стремится создать в стране единое сплоченное общество, способное отразить враждебные действия. В формулировке официальной национальной политики говорится, что «обязанность каждого гражданина защищать свою страну и противостоять агрессии в активной или пассивной форме». Помимо собственно латвийских воинских формирований, ключевым элементом в механизме сдерживания является присутствие в стране подразделений стран НАТО, которые проводят учения для демонстрации силы и решимости альянса. Министерство обороны Латвии указывает, что на национальном уровне потенциал сдерживания базируется на возможности «быстро увеличить размер (обычных вооруженных сил) до уровня, необходимого для сдерживания или для ведения войны». Является ли стареющее население

Латвии одним из факторов, определяющих жизнестойкость обороны страны? Если ответ на это вопрос будет положительным, тогда Латвия стоит перед серьезной проблемой. В докладе, опубликованном на сайте Министерства обороны, говорится, что «прибалтийские страны столкнулись с общей демографической проблемой, и усилия по увеличению размера и возможностей территориальных сил может натолкнуться на нехватку молодых подготовленных новобранцев, особенно в ситуации, когда молодежь из русскоязычных меньшинств в Эстонии и Латвии, похоже, не желает служить в вооруженных силах этих стран».

ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

В краткосрочной перспективе будущее Латвии будет определять состав латвийского правительства. Прошедшие в октябре 2018 г. выборы положили конец коалиции правых партий. Пророссийская партия «Согласие» получила около 20% голосов. Из двух популистских партий, КПВ получила 14%, а Новая Консервативная Партия получила немногим менее 14% голосов. Поддержка партии «Согласие» не означает, что Латвия поворачивается в сторону России; в партии много членов-латышей, и общественная поддержка этой партии снизилась с 28% в 2011 г. до немногим менее 20% в 2018 г. Таким образом, хорошая новость для популистских партий состоит в том, что люди просто устали от скандалов, коррупции и отсутствия прогресса.

В долгосрочной перспективе сильнее всего по Латвии может ударить демографический спад. Снижение численности населения может принять катастрофический характер: малонаселенные районы станут просто ненаселенными, и Латвия может превратиться в страну пожилых людей и огромного экономического неравенства. Недостаточное количество молодых людей еще больше усугубит и без того печальную картину: кто будет работать? Кто будет защищать страну? Это те вопросы, на которые правительство, независимо от его политической ориентации, должно будет обратить внимание. Можно ли переломить эту тенденцию? Наиболее важным представляется восстановление рождаемости до 2,1 детей на семью для того, чтобы поддерживать численность населения на сегодняшнем уровне, а также прекращения тенденции эмиграции из страны. Нынешнее русскоязычное меньшинство, вероятно, более плотно интегрируется в латвийское общество, просто потому что у него нет другого выхода, а диаспора без латвийского гражданства будет сокращаться из-за естественной смертности пожилых людей и натурализации молодежи. Для этого потребуются жесткая, но открытая позиция латвийского правительства по отношению к России в борьбе против унижительных посланий и лживого вещания. Эти усилия уже на подходе. В Латгейле, где доминируют российские каналы, латвийские телестанции возводят передающие станции и показывают сделанные в Латвии русскоязычные программы с тем, чтобы охватить восточную часть страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российское меньшинство в Латвии, особенно после выборов в октябре 2018 г., составляет ту базу, которую Россия может использовать для подрыва единства страны. Однако, эту угрозу не стоит преувеличивать, поскольку русскоязычное меньшинство не однородно, в нем есть как пролатвийские, так и пророссийские настроения. Кроме того, потенциальные уязвимые места в русскоязычной диаспоре не носят четко очерченный характер. Есть живущие в Латвии русские, которые ясно представляют себе разницу в условиях жизни в Латвии и России и которые не верят российской пропаганде и фейковым новостям. Жители Латгейла не должны восприниматься как пророссийская группа; там есть пророссийски настроенные жители, но также и патриоты, которые не боятся России и готовы бороться и защищать Латвию. Одно должно быть совершенно ясно – российская диаспора в настоящее время не представляет угрозы. Но если ее спровоцировать извне, возможно, какими-то принудительными мерами со стороны России, то эта диаспора может выступить против латвийского общества. Если Россия решит вторгнуться в Латвию, то она это сделает не ради защиты диаспоры, а потому что таков будет ее стратегический выбор, а русскоязычное меньшинство будет просто инструментом в этой стратегии.

Российская организованная преступность может оказаться одним из наиболее эффективных и скрытых средств силового давления в Латвии. Она глубоко засела в Латвии еще с советских времен, и искоренить ее будет очень трудно. Ее существование следует анализировать совместно с ее прямой связью с Кремлем, с российским экономическим присутствием и с проблемами, затрагивающими банковскую систему Латвии. Вполне вероятно, что организованная преступность будет напрямую участвовать в попытках России инициировать волнения в стране, подкупе политиков и сборе развединформации. Для борьбы с этой угрозой потребуются как национальные, так и международные силы.

Россия уже в течение многих лет оказывает масштабное, враждебное силовое давление на Латвию во многих областях, надеясь ослабить сплоченность на восточном фланге НАТО. Наиболее показательными тому примерами являются военные учения «Запад-17», кибератаки, оскорбительная пропаганда с государственных телеканалов и радикализация молодых людей из числа этнических русских в учебных лагерях. Эти усилия могут перерасти в более агрессивные меры, и прямое военное столкновение нельзя исключить. Хорошая новость состоит в том, что самоуважение населения Латвии растет по мере того, как люди сравнивают информацию из широкого круга источников и учатся выявлять фейковые новости. Это указывает на то, что российская пропаганда становится бесполезным инструментом, и что Россия попытается добиться своих целей через другие сферы, возможно, через операции в киберпространстве, которые относительно недороги, эффективны и не знают границ.

Латыши заполняют бюллетени на избирательном участке в Риге. 2018 г. Выборы положили конец коалиции правых партий, хотя пророссийская партия «Согласие» получила почти 20% голосов.

Россия уже не один год проверяет на прочность восточный фланг НАТО, и, скорее всего, эта практика будет продолжаться. Эти усилия теперь могут расширяться за пределы Прибалтики на другие «подающие надежду» страны. Расколы в обществе также представляют опасность для национальной безопасности Латвии. Социальное неравенство является серьезным препятствием для национального единения. Недоверие к правительству, к сожалению, оправдано, принимая во внимание уровень коррупции и социальное неравенство, особенно в сельских районах. Пробелы в социальной сфере необходимо устранить как можно скорее, поскольку они отрицательно влияют на единство и жизнестойкость Латвии.

Имеются доказательства того, что, помимо отмывания денег, российская организованная преступность занимается также шпионажем и сбором разведанных для российского правительства и сотрудничает с преступными группировками в пограничных районах. Это означает, что несмотря на относительную позитивную устойчивость русскоговорящей диаспоры в Латвии, у России есть возможность просочиться в страну и оказывать силовое давление изнутри во многих сферах одновременно. Другие тенденции, вызывающие озабоченность и требующие большего внимания, включают в себя общее состояние латвийского населения, сотрудничество с другими прибалтийскими странами по вопросам русскоязычных меньшинств, а также структуру и характеристики русскоговорящих меньшинства в Латвии.

Пример Латвии ясно показывает, что в условиях противостояния давлению сразу в нескольких сферах первоочередную важность имеют сплоченность и единство народа. □

Гибридная война НА «ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ»

АВТОР: Митчелл Оренстайн

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Oxford University Press, 2019

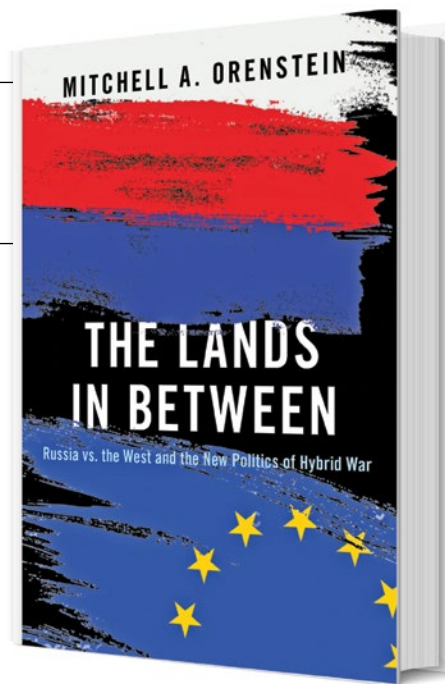
РЕЦЕНЗЕНТ: сотрудники журнала *per Concordiam*

Митчелл Оренстайн убеждает нас, что его книга «Промежуточные территории: Россия против Запада и новая политика гибридной войны» не просто рассказ о маленьких бедных странах, приютившихся в промежутке между Россией и Европейским Союзом. На карту поставлено гораздо большее, поскольку эти «промежуточные территории» находятся на линии фронта конфликта, который он описывает как геополитический конфликт, где сражение идет с применением конвенциональных и неконвенциональных инструментов, таких как кибератаки, хакерство, отмывание денег и угроза ядерной войны.

Оренстайн имеет все необходимое, чтобы объяснить это нападение в своей короткой, убедительной и легкой для понимания монографии. Он ведущий специалист в области политэкономии и международных отношений по региону Центральной и Восточной Европы и профессор и заведующий кафедрой Российских и Восточно-Европейских исследований в Университете Пенсильвании. Он также старший научный сотрудник в Институте исследований внешней политики. Оренстайн исходит из предпосылки, что бывшие советские республики и страны-сателлиты из Центральной и Восточной Европы и Западной/Центральной Азии стоят перед лицом «цивилизационного давления» со стороны западных демократий и российского исполина.

Хотя Советского Союза больше нет, Оренстайн объясняет, что для российского правительства, которое намерено получить назад бывшую советскую империю, само существование НАТО с его гарантиями безопасности государствам-членам представляет угрозу. Увеличившееся число членов НАТО угрожает попыткам России восстановиться в роли великой державы с законной сферой интересов, независимо от того, сознают и признают «промежуточные территории» это влияние или нет.

Или, говоря проще, «там, где Запад видит

продвижение демократии как стратегию продвижения мира в Европе, Путин видит это как акт войны против России и его режима в частности ... Россия рассматривает борьбу за влияние на «промежуточных территориях» как игру, где может быть только один победитель, которую можно либо выиграть, либо проиграть». Этот конфликт мировоззрений привел к реальному конфликту, поскольку Россия ведет гибридную войну и действует в «серой зоне», подталкивая западные страны к тому, чтобы они отказались от своей позиции.

Россия называет свои действия кампанией «стратегического сдерживания», «рефлексивным управлением» или «войной нового поколения». Оренстайн, однако, отмечает, что «цели России в том, чтобы поляризовать, вывести из строя и в конечном итоге уничтожить Европейский Союз и НАТО, не вызывая слишком бурную реакцию на Западе». В этих гибридных операциях, в большинстве своем скрытных, Россия использует широкий набор инструментов: шпионаж, кибератаки, финансирование политических партий, выступающих против ЕС, медийные кампании и дезинформацию, поддержку неправительственных организаций и пророссийских полувоенных организаций и военную интервенцию против стран, подписывающих ассоциативные соглашения с ЕС, такими как Украина.

Автор обвиняет Запад в целом в медленной

реакции на эту некинетическую агрессию: «Запад стоял перед лицом мощных побуждающих экономических мотивов улучшить и углубить отношения с путинской Россией. Очень немногие на Западе хотели признавать существование гибридной войны, которая внесет разлад в бизнес-структуры и заставит страны увеличить военные расходы». Перед лицом этого неопровержимого факта, неужели удивительно, что некоторые региональные лидеры хотят пойти на сделку с Россией для того, чтобы сохранить свободу маневра в качестве суверенных государств?

Несмотря на кажущуюся ценность такого гибкого подхода, дальнейшее продвижение по этому пути и недальновидно, и опасно. Конечно же, прожив под российским сапогом почти 50 лет, невозможно предсказать, почему бы Венгрии, Молдове или, до 2014 г. Украине, не принять безоговорочно и всем сердцем либеральные демократические и экономические институты Запада. Однако, это не так легко, если вы живете в географической близости от разгневанной России, разозленной снижением уровня влияния на территориях, которые она все еще считает входящими в ее орбиту.

Оренстайн понимает, а возможно, и соглашается с руководителями Венгрии и Молдовы и с теми гибкими подходами, которые они выбрали, чтобы сбалансировать противоположные интересы. Похоже, того требует сама геополитическая обстановка на «промежуточных территориях». «В странах, где политика в своей основной массе чрезвычайно поляризована – идет борьба между СМИ и политическими силами, которые категорически либо за ЕС, либо за Россию – самая большая власть и самые большие богатства текут не к идеологическим сторонникам, чьи выгоды зачастую частичны и недолговечны, а посредникам в борьбе за власть, которые позиционируют себя таким образом, чтобы получать прибыль от огромного энтузиазма и огромной незащищенности обеих сторон». Задача ЕС и НАТО в том, чтобы убедить этих лидеров, что в интересах их стран выбрать именно Запад, а не ненадежную и эгоистичную Россию.

Оренстайн также смотрит на белорусского президента Александра Лукашенко и замечает: «Лукашенко воплощает в себе те политические парадоксы, которые преследуют «промежуточные территории». Расположенные между двумя мощными соседями, которые тянут в противоположные стороны, эти страны проводят очень сильно поляризованную политику». Лукашенко предпринимает гибкие шаги, которые вводят в замешательство, огорчают, а в некоторых случаях и злят не только российских лидеров, но и лидеров на Западе, которые рассчитывали на то, что он поведет свою страну по направлению к западной либерализации.

Оренстайн подводит краткий итог: главный вопрос национальной политики в регионе состоит в том, чтобы либо присоединиться к «Советскому Союзу 2.0», либо же достичь национальной независимости в рамках ЕС.

«Промежуточные территории» могут выбрать более близкие отношения с ЕС, огромный и успешный рынок, характеризующийся верховенством закона, свободой слова, антикоррупционными кампаниями, безвизовым передвижением, образовательными возможностями и дорогой к западному процветанию, но при этом рискуют получить высокую степень неравенства и возрастающий интернационализм. С другой стороны, они могут сделать выбор в пользу того, чтобы стать частью российской империи, где они будут делить общую культуру и историю, говорить на одном языке [или, по крайней мере, понимать русский язык] и получать долгосрочные выгоды в плане торговли и трудоустройства, но при этом страдать от коррупции, пронизывающей систему сверху донизу, более слабой экономики и государственной пропагандистской машины, которая подогревает ослабевающую веру в теории заговора».

Региональные лидеры, известные своей гибкостью, не уступили здесь непреодолимым противоречиям. Они должны проконсультироваться с жителями Украины. «До 2014 г. средний житель Украины голосовал одновременно за более тесные связи с ЕС и с Россией, не заботясь о том, что эти цели взаимоисключающие. Украинцы просто хотели хороших отношений с двумя сторонами», – пишет Оренстайн. Тем не менее, «когда Россия захватила Крым и Восточную Украину для того, чтобы предотвратить вступление Украины в ЕС, это подтолкнуло большинство украинцев в лагерь ЕС и заставило смотреть на Россию как на врага. Геополитическая ориентация и национализм прочно слились в единое целое». Сегодня у Украины есть национальное самосознание и национальный патриотизм, которые раньше находились в инертном состоянии. В этом не обязательно заслуга Запада; это осознание пришло через тяжелый опыт жесткого и пренебрежительного отношения к Украине как к суверенному государству со стороны России.

Оренстайн считает, что эти страны неизбежно должны решить, на чью сторону им встать. «Промежуточные территории нуждаются в надежной помощи и доводах, почему им нужно отказаться от вступления в «Советский Союз 2.0». Запад может это дать им, еще раз четко продемонстрировав ценности политического либерализма, равенство всех перед законом, защиту меньшинств и выгоды демократического правления, все эти ценности против которых ведет войну Россия – как на «промежуточных территориях», так и в странах Запада. Именно за эти ценности Центр им. Маршалла так активно выступает. «Борьба может быть длительной, – пишет Оренстайн, – но Запад должен создать прочную защиту перед лицом местных популистов и иностранных недоброжелателей». □

Стационарные курсы

Democratia per fidem et concordiam

Демократия через доверие и дружбу

Отдел регистрации

George C. Marshall European Center
for Security Studies
Gernackerstrasse 2
82467 Garmisch-Partenkirchen
Germany

Телефон: +49-8821-750-2327/2229/2568

Факс: +49-8821-750-2650

www.marshallcenter.org

registrar@marshallcenter.org

Порядок регистрации

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла не принимает заявлений напрямую. Заявления на все курсы должны поступать через соответствующее министерство и посольства США или ФРГ в стране проживания кандидата. Тем не менее, отдел регистрации слушателей готов помочь кандидатам инициировать процесс. Запрос можно направить по электронному адресу: registrar@marshallcenter.org

ПРОГРАММА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ПАСС)

Основной курс очного обучения Центра им. Маршалла охватывает такие сферы, как политика безопасности, вопросы обороны, международные отношения, включая международное право и борьбу с терроризмом. Основной темой, рассматриваемой на протяжении всей программы, является необходимость международного, межведомственного и междисциплинарного сотрудничества.

ПАСС 20-19

9 Сентябрь -
24 Ноябрь 2020

Сентябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

Октябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

Ноябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

ПРОГРАММА «БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ» (БТОП)

В центре внимания этой программы очного обучения находятся угрозы национальной безопасности, исходящие от контрабандных операций и других преступлений. Курс рассчитан на правительственных и государственных чиновников и практических работников, которые занимаются разработкой политики, правоохранительной и разведывательной деятельностью, а также операциями перехвата.

БТОП 20-07

17 Март -
8 Апрель 2020

Март						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

Апрель						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

БТОП 20-16

8-30 Июль 2020

Июль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

ПРОГРАММА «ТЕРРОРИЗМ И ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ» (ПТВБ)

Эта программа рассчитана на государственных служащих и офицеров вооруженных сил, которые в настоящее время работают на среднем и высшем уровнях управления организаций по борьбе с терроризмом, и она содержит сведения о характере и масштабах современной террористической угрозы. Программа повысит способность слушателей бороться с последствиями терроризма на региональном уровне за счет предоставления основных знаний, которые позволят служащим органов национальной безопасности сотрудничать на международном уровне в деле борьбы с террористической угрозой.

ПТВБ 20-5

11 Февраль -
12 Март 2020

Февраль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29

Март						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

ПТВБ 20-18

6 Август -
3 Сентябрь 2020

Август						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

Сентябрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

ПВКБ 20-02

3-19 Декабрь 2019

Декабрь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Цель семинара – систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

СРБ 20-03

14 Январь -
7 Февраль 2020

Январь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

Февраль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

СВРС 20-15

22-26 Июнь 2020

Июнь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Кристофер Бурелли

Директор, программ для выпускников
тел +49-(0)8821-750-2706
christopher.burelli@marshallcenter.org

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

Специалисты по связям с выпускниками

Дру Бек

Западные Балканы,
франкоговорящая Африка

Языки: английский,
французский

тел +49-(0)8821-750-2291
ryan.beck@marshallcenter.org

Кристиан Эдер

Западная Европа

Языки: немецкий, английский

тел +49-(0)8821-750-2814
christian.eder@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Восточная Европа, Кавказ,
Центральная Азия;
Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский,
французский

тел +49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Фрэнк Льюис

«Вьешградская четверка», Прибалтика,
Ближний Восток, Юго-Восточная Азия;
специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, немецкий

тел +49-(0)8821-750-2112
frank.lewis@marshallcenter.org

Донна Джанка

Северная и Южная Америка, англоговорящая
Африка, Восточные Балканы, Монголия;
специалист по борьбе с транснациональной
организованной преступностью (БОП)

Языки: английский, немецкий

тел +49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

Подать материал для публикации

Отправляйте статьи и отзывы в Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Подписаться

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала *per Concordiam*, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

Найти нас

Вы можете найти *per Concordiam* в интернете по адресу:

Центр им. Маршалла: www.marshallcenter.org

GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>

Цифровая версия: <https://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА